
Ольга Кай
ГОРОДСКАЯ РОМАШКА

Ольга Кай

Городская Ромашка

«Издательские решения»

Кай О.

Городская Ромашка / О. Кай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932336-1

После Каменного Дождя на Земле осталось лишь несколько мегаполисов, живущих обособленно. В одном из таких городов, окруженном высокой стеной и ядовитой пустошью, живет девушка по имени Ромашка. Она любит рассматривать старые картины, рисует вечернее небо и мечтает увидеть море. И кажется, в ее размеренной однообразной жизни нет места чуду, но однажды на знакомой улице городская Ромашка встречается с чужаком, пришедшим из-за стены.

ISBN 978-5-44-932336-1

© Кай О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 26
Глава 7 29
Глава 8 34
Глава 9 37
Глава 10 45
Глава 11 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Городская Ромашка

Ольга Кай

© Ольга Кай, 2018

ISBN 978-5-4493-2336-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дождь лил с ночи, не переставая. И, хотя время зажигать фонари еще не подошло, было темно, прохожие выбирали освещенные витринами улицы, спеша домой после трудового дня. Разноцветные зонты плыли над тротуарами, с шелестом проносились автомобили.

Кольцевая улица не считалась престижным местом для проживания – совсем близко к городской стене, а от центра с его развлечениями – далековато. Но девушка, сидевшая в окне седьмого этажа старого дома на Кольцевой, считала, что ей повезло: между зданиями на другой стороне улицы она видела небо. Чаще всего оно было грязно-серым, но вечерами, когда садилось солнце, небо над городской стеной становилось ярко-алым или огненно-рыжим, и, постепенно темнея, меняло оттенки. Солнце уходило за стену раскаленным докрасна кругом, окрашивая закатными лучами клочья облаков. Только сегодня буйства красок было не дождаться: мутные потоки воды поливали улицу, и рассмотреть что-либо за ними казалось невозможным.

Створка окна оставалась открытой, шум дождя наполнял темную комнату. Девушка переменила позу, устраиваясь поудобней. Она сидела на подоконнике, глядя поблескивающими глазами сквозь отражение в стекле, и видела, наверное, не только это хмурое небо, а еще что-то, ведомое ей одной.

Дверь отворилась, полоса света перерезала комнату.

– Не спишь? – послышалось.

– Не сплю, – отозвалась девушка.

– Тогда иди ужинать!

Кухонька, служившая одновременно и прихожей, и гостиной, обходилась без окон. Здесь горели электрические светильники, постоянно с тех пор, как тетушка Полиана с семейством приехала погостить у племянницы. Постоянно с тех пор, как в городском крематории сгорело тело последнего близкого и любимого человека.

– Ну-ка, Машка-Ромашка, кушай быстрее, пока не остыло!

Тетя весело хлопотала на кухне, ее муж и маленький сын устроились на диванчике. Девушка села за стол, взяла ложку.

Вообще-то ее звали Ромашкой. Странное имя очень ей досаждало, потому что легко рифмовалось с чем угодно, чаще обидным. Отец рассказывал, что имя это означает «прекрасный цветок, подобный солнцу», но отец был романтиком, и, порывшись в библиотеках, Ромашка узнала, что назвали ее в честь какого-то сорняка.

Новая мода принесла имена, означавшие названия диковинных цветов, растений и животных, которые редко кто видел даже на картинке. Так бывший одноклассник Ромашки, хулиган и забияка, носил имя Рысь. А лучшую подругу девушки звали Дельфиной. Отец рассказывал, что дельфинами называли прекрасных и очень умных морских существ. Тут он не ошибся – девушка нашла картинку с дельфином, показала подруге, и та пришла в восторг, даже распечатала себе. Всем вокруг достались имена красивые не только по звучанию, но и по значению. Ромашка чувствовала бы себя несправедливо обиженной, если б не знала наверняка – имя для нее выбирала бабушка.

Бабушка Ромашки была почти легендой. Поговаривали, что родилась она не в городе, а на хуторе, да только существовал ли этот таинственный хутор на самом деле – никто толком не знал. Бабушка умерла вскоре после рождения внучки, Ромашка ее совсем не помнила, зато ее сына, своего отца, помнила очень хорошо: невысокий, с добрым лицом и басистым голосом, он был уютным и надежным, и таким непохожим на всех вокруг! Ромашка всегда оставалась папиной дочкой, хотя и сожалела, что природа не наделила ее маминой внешностью.

Мама была очень красивой: высокая и тоненькая, темноволосая, с большими синими глазами. Она часто болела, и только бабушкино лечение помогало ей надолго. Не стало бабушки – и мама слегла. Денег на лечение не хватало, а надежного друга-врача, чтобы, не считаясь с запретами, помогал маме на дому, так и не нашлось. Только болезни не суждено было забрать ее. Все случилось иначе, разом оставив и Ромашку, и ее старшего брата круглыми сиротами.

Девушка послушно, ложка за ложкой, вычерпала жидкий суп. Тетушка Полиана, еще молодая и красивая женщина, с крашенными огненно-красными локонами вокруг доброго лица, поставила перед Ромашкой тарелку с картофельным пюре, минуту назад разведенным из порошка, и присела напротив. Девушка знала, что тетя жалеет ее, дурнушку и неудачницу, все еще не пришедшую в себя от постигшего ее горя, и очень удивляется, потому что ни разу за это время не видела, чтобы Ромашка плакала.

Все слезы девушка выплакала еще тогда, четыре недели назад, в самую страшную ночь – ночь после похорон брата. Сейчас Ромашка знала, что жизнь продолжается, что никакое горе не избавит ее от повседневных забот, которыми она сначала по привычке, а после уже сознательно заполняла свое время. Но только что-то в этой жизни потерялось безвозвратно, а что именно – Ромашка полностью осознала лишь недавно.

Не было цели, не было смысла жить.

Изменилось что-то в ней самой. Тогда, четыре недели назад, она впервые, прослушав сводку новостей, поняла, что каждая цифра криминальной статистики – это чья-то жизнь, и каждый день в городе погибают десятки людей: чьи-то матери, дети, братья, мужья…

Но, хотя Ромашка в последнее время чувствовала себя чужой, не такой, как все, даже особенной, она оставалась во многом похожей на большинство девушек ее возраста, когда зрелые размышления вполне сочетаются с такими, что свойственны скорее ребенку, нежели взрослому человеку. Вот и сегодня в душе засела глухая обида на парней, потешавшихся над ее малым ростом и нескладной фигурой. Поэтому, когда тетя Полиана попыталась подсунуть ей добавки, уговаривая съесть еще хоть немного, Ромашка отказалась, а про себя подумала, что скоро ее начнут дразнить толстухой. Кто ж виноват, что и лицом, и фигурой она пошла не в красавицу-мать?

После ужина Ромашка вернулась в комнату, села на подоконник. Наутро небольшое семейство тетушки уедет домой, на другой конец города, а пока Полиана болтала с мужем и переключала каналы телевизора, попадая то на новости, то на рекламу, то на развлекательное шоу. Шум телевизора не мешал Ромашке – дождь приглушал все звуки.

Осень поливала город уже два месяца, когда кому-то из бывших одноклассниц пришло на ум организовать встречу выпускников. Парни затею не поддержали: зачем куда-то идти, если можно узнать все новости по сети? Поэтому решили собраться женским коллективом и вдоволь посплетничать о недостатках сильного пола.

Девичник собрали у Дельфины. Среди рослых, красивых подруг Ромашка чувствовала себя едва ли не карликом. Девушки щебетали, обсуждая подробностей личной жизни ведущих телешоу и героев бесконечных сериалов, а Ромашка скучала. Улучив минутку, она отошла к окну, спряталась за шторой и прильнула к стеклу.

Дельфине не повезло так, как ей: неба отсюда видно было лишь чуток – серая полоска в вышине, между крышами соседних домов. Впрочем, сегодня небо отливало синевой, и Ромашка долго смотрела на эту полоску, а когда на город опустились сумерки – принялась разглядывать свое отражение в стекле.

Ее русые волосы были пепельного оттенка, почти серые. И глаза серые. Мягкий овал лица, простые, неприметные черты…

– Чего тут стоишь? – Сзади тихо подошла Дельфина, встала за ее спиной. Ромашка видела лицо подруги в оконном стекле: Дельфина была почти на голову выше. – Пошли к нам.

Ромашка молча кивнула и вернулась на диван.

– Чего это ты пряталась за шторой? – поинтересовалась Лолла. Она сидела, скрестив ноги, и короткое синее платье почти не прикрывало бедер. – В прятки, что ли, играла?

– Ты, Ромашка, в следующий раз так не прячься! – подхватила Лиса. – А то придется Дельфине микроскоп с работы тащить!

Девушки захихикали. Все, кроме Дельфины, которая попросила:

– Лиса, не надо.

– Ладно, Ромашка, ты ведь не обижаешься, правда? Ты же не виновата, что ростом не вышла. Зато ты у нас самая умная! Так что не сердись, мы ведь по-доброму, любя…

Нельзя сказать, чтобы Ромашка была настолько ниже всех ростом, что казалась карликом: всего-то сантиметров десять-пятнадцать. Но впридачу ей досталась от природы нескладная фигура, из-за чего Ромашка казалась себе безобразно толстой. Когда-то она думала, что сможет исправить этот недостаток спортом, но ничего не получилось: бедра не становились уже, а живот – площе. От упражнений только резче обозначились мышцы.

Лолла первой вынула длинную сигарету. Зная, что остальные сделают то же самое, Ромашка вернулась к окну, а потом направилась к кухонной стенке. Сначала она стеснялась, но желудок требовательно заурчал, и девушка наломала в тарелку лапши и залила кипятком.

За спиной тут же послышался осуждающий шепоток.

– Не понимаю, как можно такое есть! – фыркнула Лиса.

Когда-то Дельфина под большим секретом поведала Ромашке, что Лиса сидит на таблетках. Теперь это не было тайной, и многие следовали примеру Лисы, практически отказываясь от еды.

– Разве это не опасно? – спросила тогда Ромашка свою подругу-медсестру.

– Да как сказать, – Дельфина пожала плечами. – Красота требует жертв! А у Лисы бедра широковаты, вот ей и кажется, что она толстая.

Сейчас, вспоминая тот разговор, Ромашка смотрела на Лису, видела невероятно хрупкое существо, у которого кости едва не просвечивали сквозь кожу, и немного ей завидовала: вот у кого действительно есть сила воли!

Гостьи ушли, когда на улицах уже включилось освещение, Ромашка с Дельфиной остались вдвоем. Разложив диван и раздвинув тяжелые шторы, подруги улеглись рядом, глядя на прямоугольники окон соседнего дома. Они еще не знали, что красавица Лолла не вернется сегодня домой, пополнив статистику происшествий в уголовной хронике, а через две недели, несмотря на все усилия врачей, в больнице скончается от чрезмерного истощения так весело смеявшаяся сегодня Лиса.

Глава 2

Ромашка шла знакомой улицей мимо больницы скорой помощи. Раньше девушка недоумевала: почему крест на вывеске зеленый, а не красный? Словно дальтоники рисовали… «Они там не людей лечат, а зеленых человечков, – шутил брат. – Вот и крест зеленый нарисовали, потому что кровь у них не красная, как у людей, а зеленая».

Девушка давно перестала удивляться зеленым крестам, но сегодня давние размышления о дальтониках вновь пришли на ум. И, похоже, не только ей. Человек, который вышел, а вернее – выпал из дверей больницы, тоже с недоумением покосился на вывеску. И устало привалился к перилам крыльца. Выглядел он, мягко говоря, неважно: лицо, наполовину заросшее светлой бородой, покрыто ссадинами и кровоподтеками, волосы обрезаны неаккуратно чуть выше плеч, одежда порвана. Левую руку он прижимал к груди, и под пальцами расплывалось бурое пятно.

Вцепившись в перила, незнакомец стал неуверенно спускаться по ступенькам, и сердце Ромашки болезненно сжалось. Она доподлинно знала, что человека этого не пустят даже на порог. Ведь перестал же доктор приходить к маме, когда в семье закончились деньги! А по незнакомцу видно было, что платить ему нечем. И оказаться он мог кем угодно, даже опасным преступником: к чему, в таком случае, еще и неприятности с полицией? Однако что-то в этом человеке, а может в ней самой, заставило девушку остановиться в двух шагах от крыльца.

Незнакомец опустился на нижнюю ступеньку, поднял голову и еще раз оглянулся на дверь. Потом на вывеску и снова на дверь. На лице его была почти детская обида, искреннее непонимание происходящего. Некоторое время он смотрел перед собой, растерянно моргая, потом заметил подошедшую Ромашку.

– Девушка, – она услышала слабый, срывающийся голос, – скажи, пожалуйста, это больница?

– Больница, – выдохнула Ромашка.

Что произойдет в ближайшие несколько минут, она знала наверняка: сначала из-за белоснежной двери выглянет охранник и настоятельно попросит незнакомца убраться с крыльца и не пачкать ступени, потом вызовут полицию… Неожиданно для самой себя девушка подошла еще ближе.

– Вы сможете встать? Давайте я вам помогу.

Незнакомец удивленно встрепенулся, но от помощи не отказался. Поднялся, поддерживаемый девушкой, оперся о ее плечо. Хорошо, что до дома было недалеко.

– Делайте вид, что вы не больны, что все хорошо, – бубнила Ромашка по дороге. – Вы же не хотите попасть в тюрьму, правда?

Девушка сочла поистине чудом то, что удалось беспрепятственно добраться до подъезда и войти в квартиру. Закрыв за собой дверь, она усадила незнакомца на диван и запоздало подумала, что поступает опрометчиво, приводя чужого человека с внешностью бродяги домой… Но, взявшись помочь, отступиться уже не могла.

– Покажите, что у вас там…

Под старой вязаной кофтой с чужого плеча на нем была полотняная рубаха. Отодвинув пропитанную кровью ткань, Ромашка поняла, что дело серьезно.

– Подождите минутку. У меня подруга – медсестра, я ей позвоню.

Дельфина влетела в распахнувшуюся дверь и тут же уперлась взглядом в незнакомца.

– Где ты его подобрала?

– На улице. Он пытался в больницу зайти.

– А-а-а…

По мнению Дельфины, подруга зря притащила в дом не пойми кого. Но минуту спустя они с Ромашкой уже помогали раненому лечь на стол – теперь он был всего лишь пациентом, а молодая медсестра почувствовала себя настоящим врачом и быстро освоилась в этой роли.

Рану промыли, и теперь на отощавшем теле был хорошо виден разрез с левой стороны груди, пониже сердца. «Похоже, не глубокий», – сказала Дельфина. Когда пришло время зашивать рану, медсестра предупредила своего пациента, что обезболивающего у нее нет. Тот едва заметно кивнул и вцепился пальцами в край столешницы.

– Удивляюсь я тебе, подруга! – шепотом сказала Дельфина, когда дело было сделано, и незнакомец, как следует перевязанный, лежал на столе с закрытыми глазами, приходя в себя. – Притащила домой неизвестно кого! Да разве так можно? А вдруг это какой-нибудь преступник?

Ромашка пожала плечами. Она и сама не могла объяснить, почему поступила именно так, почему не прошла мимо. Почему не только сама решилась на риск, но и вынудила единственную подругу рисковать карьерой, оказывая помощь непонятно кому в неположенном месте, без разрешения начальства.

На улице завыла сирена.

– Этого следовало ждать, – голос Дельфины дрогнул.

Незнакомец обернулся, и Ромашка поняла, почему не побоялась привести его домой: в смотревших на нее светло-серых глазах было нечто такое, что сразу вызывало доверие. И сочувствие.

Он с трудом поднялся и сел. Девушки запоздало подскочили к нему, когда раненый уже пытался встать на ноги.

– Вы еще слишком слабы, – неуверенно произнесла Дельфина. Она-то прекрасно понимала, что для ее пациента сейчас лучшее – уносить ноги. Даже если он действительно не преступник.

– Ничего, я как-нибудь… Не хочу, чтобы у вас были неприятности из-за меня.

Он сделал несколько нетвердых шагов, остановился, прикрыл глаза на секунду, глубоко вздохнул.

– Спасибо вам, Дельфина, Ромашка…

Дверь за ним закрылась, девушки стояли неподвижно, слушая, как подъезжают к дому полицейские автомобили. Потом вернулись в комнату.

– Надеюсь, он не умрет, – пробормотала медсестра. – И еще я очень надеюсь, что его не поймают.

Глава 3

Зима в этом году не отличалась от всех прошлых зим, которые Ромашка могла вспомнить. Изредка лужи на тротуарах подергивались тонкой корочкой льда, а однажды, когда было совсем холодно, Ромашка увидела на замерзшей луже удивительный узор. К полудню узор растаял, но девушка долго вспоминала ледяную картинку, на которой переплетались ветви невиданных растений, нарисованных морозом. Очень похожие растения Ромашка видела как-то на картинах.

На картинах вообще можно было увидеть много невероятного: высокие горы с белоснежными вершинами, таинственные лесные озера, необъятные просторы моря… Как городская жительница, Ромашка сочла бы их плодом фантазии художника, если б не знала доподлинно: все это где-то существует. Ведь ходили же слухи о таинственном хуторе, где живут люди, совсем не похожие на городских! А где еще мог находиться этот хутор, если не в лесу, как на старинной картине? «Когда-нибудь я уйду из города и увижу все это своими глазами», – говорила себе Ромашка, понимая, что, скорее всего, путешествие за стену так и останется ее несбывшейся мечтой.

С серого неба снова посыпались холодные капли. «А когда-то вместо дождя зимой был снег», – вздохнула Ромашка, раскладывая старый зонт. Она как раз проходила мимо крыльца больницы, той самой, с зеленым крестом на вывеске…

Благодаря удачной выдумке Дельфины – подруга сказала, что незнакомец им угрожал оружием – для девушек все закончилось благополучно. Им поверили. Долго расспрашивали, как выглядел тот человек, какие особые приметы, и подруги не врали, понимая, что их показания будут сопоставлены со словами соседей.

Тускло блестящие под дождем ступени вели к белоснежным дверям, по обе стороны от которых – ряды окон, плотно закрытых белыми жалюзи. Здание больницы всегда казалось Ромашке неприветливым. «И ведь странно, – думала она, – если бы тот человек не удивился, что его не впустили в больницу, я бы и сейчас думала, что все происходит так, как д*о*лжно».

Из раздумий ее вывел негромкий оклик:

– Ромашка!

Парня, стоявшего в нескольких шагах от нее, девушка узнала не сразу. Рысь был ее одноклассником все двенадцать лет, но Ромашка не водила с ним дружбы – Рысь постоянно ее дразнил. Но сейчас парень будто был рад нечаянной встрече.

– Здравствуй, Рысь.

– Узнала? – он засмеялся. – А ты совсем не изменилась со школы!.. Как дела? Где работаешь?

– Учусь.

– Ого! – Рысь присвистнул. – Вот это да! Ну, я всегда знал, что ты умная! Еще бы, училась лучше всех!..

– А ты как?

Ромашка спросила не столько из интереса, сколько желая прекратить поток восхищений, а, возможно, и вопросов, отвечать на которые не хотелось.

– Работаю, – сказал Рысь. – Угадай, где!

Она пожала плечами, и одноклассник сообщил гордо:

– В музее!

– Да ладно! – удивилась Ромашка, вспомнив большое серое здание, уходящее, как говорили, еще и на много этажей под землю. – А кем?

– Вообще-то сторожем, – Рысь немного смутился. – Только я работаю днем. Хожу по залу, смотрю, чтобы никто ничего не трогал.

– Трудно, наверное, – хмыкнула девушка. Она почти каждый год ходила в музей посмотреть на картины, а потому знала: многие посетители не понимали, что выставленные в залах предметы бесценны, и смотрителям приходится внимательно следить, чтобы кто-нибудь не отколупнул кусочек от шедевра или не попортил его маркером.

– Не трудно, людей ходит все меньше и меньше, – парень умолк на минуту, задумчиво посмотрел на Ромашку. – Знаешь, я вот увидел тебя и понял, кого они мне напоминают…

Девушка так удивилась, что даже забыла спросить, кто это – «они».

– Слушай, – снова заговорил Рысь, – у нас открыли новую выставку. Недавно, всего месяц назад. Хочешь посмотреть?

– А что там? – поинтересовалась девушка, хотя про себя тут же решила, что пойдет.

– Не скажу, пусть это будет сюрпризом. Когда ты сможешь?

– Давай послезавтра.

– Давай! – обрадовался Рысь. – Я, правда, не смогу тебя встретить у входа… Ты сразу спускайся на этаж ниже и от лифта иди налево. Там, в самом конце коридора, будет поворот. Найдешь?

– Конечно.

– Ну, тогда договорились! Только ты обязательно приходи.

В назначенный день Ромашка встала рано и была у входа уже к моменту открытия. Сказать, что Рысь ее заинтриговал, значило бы не сказать ничего. Мало того, что ей обещали показать нечто особенное, так кто обещал – тот самый хулиган, так досаждавший ей в школе! А еще девушка предвкушала прогулку полюбившимися с детства залами с чудесными картинами. Чудесными потому, что на каждой из них было изображено какое-то чудо: снег, искрящийся под лучами восходящего солнца, бурный поток воды, низвергающийся со скал в ущелье, пушистые медвежата в светлом сосновом бору…

Девушка пересекла огромный холл и несколько секунд спустя вышла из лифта этажом ниже. Но прежде чем свернуть в коридор, остановилась полюбоваться морем.

Море было огромным, во всю стену. Высокие волны переливались малахитом и бирюзой, лучи солнца подсвечивали вздыбившуюся воду. На переднем плане барахтались люди, цепляясь за обломки корабля, но Ромашка почему-то никогда не обращала на них внимания.

С трудом оторвав взгляд от картины, девушка обернулась. Перед ее глазами снова было море: громады черных скал поднимались из воды, по которой, искрясь, бежала дорожка закатных лучей. Рядом, чуть левее, опять море: приветливая лазурь под ясным небом, на ней – невероятные, похожие скорее на порождение волн, чем творение человеческих рук, корабли с белоснежными парусами…

В этом зале кругом было море. Ромашка всегда подолгу стояла здесь, среди картин. Она любила море, можно сказать, заочно, потому что никогда не видела его своими глазами. Немного южнее города, где жила Ромашка, располагался город-курорт, он стоял на самом морском берегу, но мало кто из знакомых девушки мог позволить себе отдых на побережье. Редкие счастливцы по возвращении собирали знакомых и вечер напролет рассказывали и показывали фотографии. Или пересылали письма и фото по сети. Однако на снимках море лишь изредка показывалось бледно-голубой полоской на горизонте, а чаще всего был запечатлен крупным планом сам счастливец: на фоне отеля, в аквапарке или красиво обставленном номере, в бассейне или ресторане. Ромашка думала порой: «А что, если море нельзя фотографировать?» – и тут же отбрасывала эту мысль: ну кто и зачем может запретить фотографировать море? Но, так или иначе, а моря на снимках действительно не было.

Ромашка покинула зал и направилась по коридору. Нужный поворот нашла сразу, и, едва зайдя за угол, остановилась как вкопанная. Окна первого подземного этажа располагались под самым потолком и обычно давали мало света, но сегодня день был ясный, солнечный, и в мяг-

ких золотых лучах Ромашка увидела множество людей: они стояли вдоль стен, замерев в разных позах, величественные, изящные, прекрасные.

Девушка моргнула, и наваждение прошло. Но в рассеянном свете белый мрамор, казалось, дышал, а статуи только и ждали, чтобы Ромашка отвернулась. Она шагнула вперед, негромкий стук каблуков разнесся эхом. А хотелось ступать тихо-тихо, чтобы подслушать почудившийся вдруг тихий шепот…

– Ромашка, привет!

Девушка вздрогнула и, обернувшись, увидела Рыся.

– Привет, – ответила она шепотом.

Парень удовлетворенно хмыкнул:

– Нравится?

Она кивнула.

– Их совсем недавно подняли из хранилищ, – рассказывал Рысь. – Эти статуи очень древние… Ну, конечно, их вряд ли сделали еще до Большого Ледника, но уж точно раньше Каменного Дождя! Так вот… Когда я впервые их увидел, я подумал, – тут Рысь огляделся, понизил голос, – я подумал, что если хутор в лесах существует на самом деле, то тамошние люди должны быть похожи на них. И еще я подумал о тебе…

Ромашка шла, стараясь ступать как можно мягче. Робко, словно опасаясь обидеть мраморное изваяние, и в то же время внимательно, девушка разглядывала фигуры и лица. На портретах, созданных художниками до Каменного Дождя, люди тоже не были похожи на современников Ромашки, и оттого девушка не воспринимала их, как изображения реальных, когда-то живших людей. Здесь же все было иначе: недаром в первый миг статуи показались ей живыми.

Она переходила от одной фигуры к другой. Почти все были ниже ее ростом, хотя, стоя на постаментах, и казались выше. А еще они совсем не походили на тех, кого Ромашка ежедневно видела вокруг. Мужчины в городе редко занимались работой, где требовалась физическая сила – всё делали роботы, потому-то Ромашкин отец смотрелся среди них богатырем, хотя ростом часто оказывался на голову ниже остальных. Многие пытались усовершенствовать тело, занимаясь в спортзалах и глотая специальные таблетки, их сила, так явно выпяченная напоказ широченными – не обхватишь – буграми мышц под одеждой, вселяла страх. Но, глядя на мраморные фигуры, Ромашка думала почему-то, что оживи замерший у стены воин – и никто из местных хулиганов не выстоит против него в честном поединке.

А женщины! Они казались Ромашке вовсе уж странными: широкие бедра, небольшие груди, плавные линии тела – модели, с которых ваяли скульпторы свои шедевры, сейчас получили бы обидные прозвища и считались бы если не уродинами, то уж, во всяком случае, дурнушками. Хотя… может, как раз такой и была ее бабушка?

– Я так и знал, что тебе понравится, – раздался за спиной довольный голос Рыся. – Другим они не нравятся почему-то. Вчера приходили трое – ржали как ненормальные!

Рысь провел ее только до коридора.

– Слушай, Ромашка, у тебя есть планы на вечер?

Вопрос застал девушку врасплох.

– Сегодня я буду занята, – пробормотала она.

– А завтра?

– Завтра? Наверное, свободна. А что?

– Давай встретимся завтра вечером, – предложил Рысь.

– Давай…

– Договорились! Тогда завтра вечером, в пять, на перекрестке Кольцевой и Музейной. Идет?

Домой Ромашка вернулась затемно. Закрыв за собой дверь квартиры, она облегченно выдохнула и, разувшись, направилась к кухонной стенке. Наскоро приготовив еду, взобралась

на широкий подоконник в комнате и по привычке устремила взгляд в небо. В следующее мгновение забыты была и еда, и все волнения сегодняшнего дня: над самой стеной мерцали два огонька. Девушка долго неподвижно сидела, всматриваясь в них, пока не устали глаза, потому что на небе даже в ясную погоду нечасто можно увидеть звезды.

На следующий вечер Ромашка встретилась с Рысем на перекрестке, и они долго гуляли по городским улицам, говорили, в основном, о музее, а когда включили освещение, Рысь вызвался проводить девушку и уже возле подъезда поспросил:

– Слушай, а запишешь мне свой телефон?

– Рысь? Тот самый хулиган? – удивилась Дельфина.

– Да, тот самый.

– Ну, я не знаю, может, он и исправился. – Старый телефон Ромашка уже не раз ремонтировала, но голос подруги постоянно прерывался шипением и треском. – Помнишь Нарциссу? Она рассказывала, что Рысь пытался за ней ухаживать.

– Ну и что?

– А то! Нарцисса его бросила, потому что он зануда и не умеет себя вести!

– Нарцисса его бросила, потому что он, наверное, предложил ей погулять по улицам вместо того, чтобы повести в ресторан! – резко ответила Ромашка.

Дельфина хихикнула:

– А ведь ты права! За Нарциссой, я слышала, сейчас какой-то богач ухаживает. Она даже пешком ходить перестала – все на его машине катается.

– Ну и пусть катается.

– Ты только смотри, не позволяй ему слишком много. Кто знает, что у него на уме?..

Вскоре девушки попрощались. От разговора у Ромашки остался неприятный осадок: если б Рысь был богачом, Дельфина посоветовала бы наплевать на чувства и держаться за такого ухажера руками и ногами. Правильно это или нет – Ромашка не знала. Наверное, правильно, да только родители воспитали ее иначе, и жизни никак не удавалось вытряхнуть из нее это никому не нужное и такое непрактичное воспитание.

Рысь позвонил через два дня, и они снова встретились. И снова много гуляли и разговаривали, благо, темы как-то сами находились. Провожая девушку домой, Рысь задержался на пороге подъезда.

– Может, пригласишь меня?

Девушка растерялась, мешкая с ответом, и глаза парня зло сузились.

– Что-то не так? Если я тебе не нравлюсь, чего приходишь на встречи? Или ждешь, что какой-нибудь богач поведет тебя в ресторан и накупит дорогих шмоток? Тогда зачем морочила мне голову?

Чем она так разозлила Рыся – Ромашка не понимала. Может, припомнил неудачу с Нарциссой? Но сказанного не воротишь, сердце девушки болезненно сжалось.

– Я пойду, – она отвернулась, взялась за ручку двери.

– Иди, иди! – прозвучало в спину. – А те статуи действительно безобразные. Уродливые! Как и ты!

Ромашка замерла, перевела дыхание и обернулась. Рысь, кажется, и сам испугался своих слов, и теперь смотрел на нее растерянно.

– Мне и правда было с тобой интересно, – сказала девушка. – Ты просто дурак!

И закрыла дверь.

Она провалялась все утро в постели – благо, спешить было некуда, выходной. Вспоминая вчерашний вечер, девушка подумала, что, может быть, Рысь не зря на нее обиделся: он же попросился в гости не на первом свидании. Терпеливей оказался…

Вместе с Дельфиной Ромашка погуляла в центре, прошлась по магазинам. В парке, несмотря на зимнюю сырость и прохладу, было людно. Какофония звуков, смешавшая в себе и громкую музыку, и надоедливые рекламные лозунги, и выкрики лоточников, необъяснимым образом поднимала настроение. Правда, случались и неприятные моменты. Какой-то парень в толпе принялся лапать Дельфину, и девушкам пришлось от него удирать. Подруги давно усвоили, что в подобных случаях нечего обращаться за помощью или пытаться вразумить, лучше быстренько скрыться.

Под вечер подруги, довольные, разошлись по домам. А закат выдался на удивление красочный. Ромашка долго смотрела в окно, потом открыла ящик стола, достала краски, кисточку, папку с бумагой. Набрала в чашку воды и обмакнула кисть. Она не рисовала уже очень давно, не вынимала краски и кисть с тех пор, как погиб ее брат. А вот сегодня отчего-то захотелось рисовать.

В том же ящике, откуда девушка достала краски, лежала еще одна папка – с рисунками. Эти рисунки были все одинаковы: два дома, и между ними, на треть высоты листа, стена – это нарисовано черной акварелью. А над стеной – разноцветное небо. Каждый раз небо получалось у Ромашки другим, но все-таки ее рисунки были очень похожи друг на друга. Дельфина посоветовала подруге никому их не показывать. Ромашка так и не поняла, почему. То ли потому, что одинаковые – явный повод усомниться в здравости рассудка художницы. А может, по той причине, что, хотя Ромашка за городскую стену не выходила, небо, видимое ею из окна, было не городским. А, как известно, каждый, кто проявляет чрезмерный интерес к тому, что находится за стеной, рано или поздно оказывается зарезанным в темной арке или пропадает без вести.

Телефон пиликал так громко и надоедливо, что Ромашка оторвалась от своего занятия и включила связь.

– Ромашка, привет! Это я.

Девушка узнала голос Рыся. Она слушала, но не собиралась пока отвечать.

– Слушай, я это… Я действительно глупость сказал, извини.

Ромашка все еще молчала.

– Ты это… Ты прости меня, ладно? Я сам не знаю, чего это вдруг… Мне поговорить с тобой надо. Давай встретимся, а?

Девушка сомневалась, разрываясь между желанием сказать холодно: «Я подумаю», и просто согласиться: «Хорошо, давай». В конце концов она, наверное, согласилась бы, но голос Рыся в наушниках произнес:

– Не хочешь, значит?

– Не хочу, – ответила Ромашка и отключила связь.

– Ромашка! Ромашка, постой, подожди!

Девушка не оглядывалась. Было пасмурно, а освещение еще включат не скоро, минут через двадцать станет совсем темно, и к этому времени лучше быть уже дома, в своей квартире, за запертой дверью.

Рысь догнал, встал на дороге. Пришлось остановиться.

– Ромашка, пожалуйста, не уходи! – попросил он, силясь побороть отдышку. – Послушай, я не хотел тебя обидеть, оно само как-то вырвалось… Честное слово, не хотел! Давай завтра встретимся! Я больше не буду напрашиваться, пока сама не позовешь. Ты мне веришь? Ну как? Ты согласна?

Девушка ответила честно:

– Я подумаю.

Рысь улыбнулся было, но тут же испуганно дернулся: из темного проулка вышли двое здоровяков и направились прямо к нему.

– Что Рысь, девчонку клеишь? – поинтересовался один, с лицом отчаянного головореза и в шапке до бровей. Второй, лысый, осклабился, разглядывая Ромашку.

– Вижу, у тебя дела совсем плохи, раз ни на что поприличнее денег не нашлось, – сказал он и, выругавшись, сплюнул.

– Что вам надо? – встрепенулся Рысь.

– Ты нам должен, помнишь?

Лысый схватил Рыся за куртку и поволок в сторону проулка. Тут бы Ромашке и дать деру, но девушка замешкалась, и в следующий миг другой, в шапке, сгреб ее за плечо и потащил туда же.

– Я все верну! Совсем скоро! – оправдывался Рысь. – Я уже нашел покупателей, дело выгорит, по любому. Обещаю, скоро…

Лысый с силой тряхнул Рыся, голова парня глухо ударилась о стену дома.

– Смотри! Если не вернешь, мы тебя живого наизнанку вывернем, – процедил бандит.

Рысь закивал, полагая, что разговор окончен, но второй головорез, который держал Ромашку, выпустил плечо девушки, оттолкнув ее вглубь проулка, а сам подошел к Рысю.

– Только деньги нам нужны через три дня, запомнил?

Рысь опять закивал.

– А чтобы ты получше об этом помнил… – и ударил Рыся кулаком в челюсть.

Тот попятился и едва не упал. Один из бандитов ухватил его за руку, второй ударил снова. Что происходило дальше – Ромашка не видела, две широкие спины заслонили Рыся от ее взгляда, только слышно было глухие звуки ударов. «Убьют», – перепугалась Ромашка и закричала:

– Помогите! Помогите!

Окна, выходившие в проулок, дружно погасли, но Ромашка этого не заметила. Она бросилась к улице, где ездили машины и спешили по своим делам пешеходы, чтобы позвать на помощь, но ее схватили за воротник и швырнули на мокрый асфальт. Девушка взвизгнула, вскочила и побежала, только уже не к Кольцевой, а вглубь темного проулка. Ее призывы о помощи лишь смешили тех, кто прятался в этой темноте. Пара силуэтов будто отлепилась от стены дома и тоже двинулась за нею. Но Ромашка еще надеялась убежать, надеялась вплоть до того момента, как дорогу ей заступили трое, словно выросли из-под земли. Шаги лысого, преследовавшего Ромашку, стремительно приближались и остановились прямо у нее за спиной.

– Чего орешь, дура! – прошипел бандит.

Ромашка была с ним согласна: конечно же она дура! Надо было сбежать потихоньку, все равно никто не рискнет вступиться! Но разве могла она бросить Рыся на расправу этим головорезам?

Чужие руки ощупали ее, лысый присвистнул и усмехнулся:

– Странная же подружка у этого Рыся!

Ромашка попыталась вырваться, но получила кулаком в живот. От удара ее скрутило, вокруг злорадно захохотали.

– Не дергайся лучше, – посоветовал кто-то.

Но, едва лысый ослабил хватку, Ромашка изловчилась и изо всех сил ударила коленом. Бандит согнулся пополам и отпустил девушку, зато его товарищ подоспел, и пока лысый, отчаянно ругаясь, приходил в себя, держал девушку за руки.

Наконец лысый выпрямился.

– Ты об этом пожалеешь, – прорычал он. – Очень сильно пожалеешь!

Огромные пальцы сгребли ворот Ромашкиной куртки. Теперь ее никто не держал, кроме лысого. Наверное, остальные собирались спокойно посмотреть, как тот будет расправляться с девчонкой. Сил Ромашки хватило на последнюю отчаянную попытку, но ее рука лишь бесполезно трепыхнулась в воздухе.

– Ах, так! – лысый проревел еще что-то нечленораздельное, и с силой приложил свою жертву о бетонную стену.

На мгновение Ромашка увидела звезды, много звезд. Потом во мраке снова всплыли силуэты, но тут в глазах сделалось совсем темно, а в ушах зашумело. Девушка успела понять, что теряет сознание, и еще услышать, как где-то неподалеку раздался голос:

– Остановитесь!

Глава 4

Как же болела голова! Боль была первым, что почувствовала Ромашка, когда сознание вернулось к ней. И тут же пришел страх: девушка не знала, что с ней произошло и где она находится. Рядом послышался негромкий звук, словно хлюпнула вода, и Ромашка решилась открыть глаза.

Будто налитые свинцом веки поднялись с трудом. Перед взглядом все расплывалось, девушка увидела склоненную над нею фигуру, но кто это – рассмотреть не могла. Голова болела пуще прежнего, глаза щипало от подступающих слез.

– Болит?

Голос был мужской. Ромашка заморгала, пытаясь смахнуть слезы, и разглядела занесенную над собой руку…

Неизвестно, что они сделали с Рысем, а вот ее, видно, решили привести в чувство только затем, чтобы мучить дальше. Ромашка вскрикнула, попыталась отползти, но сил не хватило, и девушка замерла, выставив ладони перед лицом, ожидая удара.

Силуэт перед нею тоже замер, и когда Ромашке удалось сфокусировать зрение, она увидела незнакомое лицо, с которого удивленно смотрели большие светло-серые глаза.

– Ты что? – человек наклонил голову набок. – Ты меня боишься?

Он снова протянул к ней руку, девушка дернулась и зажмурилась, а в следующий миг почувствовала, как на лоб ей легло что-то мокрое. От смоченной водой ткани поползли по вискам холодные капли.

Компресс приятно охлаждал кожу, смягчая боль, от которой минуту назад хотелось плакать. Еще не веря, что ей не причинят вреда, Ромашка снова открыла глаза. Человек смотрел на нее, чуть хмурясь. Потом неуверенно улыбнулся:

– Ты меня не узнала.

«Не узнала? Почему я должна была его узнать?»

На вид он был если и не ровесником самой Ромашки, то ненамного ее старше. Девушка могла бы поклясться, что не знает этого человека, если бы не его глаза…

– А вот я тебя сразу узнал, Ромашка.

Сил удивляться не было. Да и сейчас девушку волновало другое.

– Где они?.. – через силу произнесла Ромашка.

– Не бойся. Здесь никого больше нет.

Но девушку подобный ответ не устраивал.

– Где те… которые…

Он пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, уже пришли в себя и разошлись по домам. Ты помолчи лучше.

– А где Рысь?

И снова пожатие плеч:

– Не знаю. Извини.

Девушка вздохнула и попыталась оглядеться. Бетонные стены уходили вверх и смыкались над головой. Вдоль трех стен стояли картонные коробки рядами до потолка, две старые табуретки, столик и укрытое покрывалом кресло – видимо, принесенные со свалки. У четвертой стены располагался диванчик, на котором Ромашка и лежала.

– А… где мы?

– Под землей. Под городом.

– Под городом? – испугалась Ромашка.

– Не бойся. Здесь неопасно. Во всяком случае, не опасней, чем наверху.

Наверное, Ромашка просто устала бояться, поэтому – поверила. Сквозь непрекращающийся шум в ушах она слышала отдаленный гул: возможно, где-то рядом проходила ветка метро. Пальцы незнакомца коснулись ее лба, подхватив высохший платок. Снова тихо плеснула вода.

– Кто ты? – спросила Ромашка.

Теперь, глядя в светло-серые глаза, девушка уже твердо знала, что видела их раньше. Но вот когда?

– Понимаю, – незнакомец потрогал подбородок, невесело улыбнулся, – с бородой я выглядел иначе…

И вот тут-то Ромашка его узнала: ну конечно! Тот самый человек, которого не впустили в больницу, и которому Дельфина зашивала рану прямо у Ромашки в квартире! Теперь девушка всматривалась в черты его лица и понемногу находила сходство с тем, изможденным и посеревшим, заросшим светлой бородой.

– Хорошо, что тебя не поймали, – прошептала она.

Незнакомец снова положил ей на лоб мокрый платок. Принимать помощь от постороннего мужчины было неловко, но компресс помогал, боль уходила, и девушка почувствовала себя уверенней.

– Как же ты ушел от них? Ты ведь был ранен.

– Да как… Через крышу. Сначала на вашу выбрался, а там – на соседнюю. Так и ушел.

Ромашка представила себе человека, с только что зашитой раной скачущего по крышам, недоверчиво нахмурилась. Собеседник угадал ее мысли:

– Твоя подруга хорошо зашила. Не разошлось.

– И все же не представляю, как ты смог от них сбежать?

– Смог. Очень уж не хотелось попасть к ним снова.

Ромашка уже приоткрыла рот для нового вопроса, но незнакомец приложил палец к губам.

– Тихо, тихо… Закрой глаза и не разговаривай. Ты очень сильно ударилась, как бы сотрясения не было.

Девушка послушно закрыла глаза. И вздохнула – в наступившей тишине сложно было отвлечься от ноющей боли в затылке. Ромашка хотела спросить незнакомца: как он оказался в полиции? А, может, он сидел в тюрьме? Нет, девушку это не напугало бы. Брат говорил, что в некоторых тюрьмах собирают самое интеллигентное общество, и точно так же в больницах для душевнобольных зачастую можно встретить людей вполне здравомыслящих.

Наверное, незнакомец понял, что, не ответив на вопросы Ромашки, в том числе и невысказанные, он не убедит ее помолчать.

– Когда я только попал в ваш город, я вел себя очень неосторожно. Боюсь, во мне было просто разгадать чужака, – голос его был тихим, но не настолько, чтобы приходилось прислушиваться, и убаюкивал, словно колыбельная. – Скорее всего, я плохо изучил ваши законы. Однажды вечером я шел по улице и услышал крики. Кричала женщина. Я побежал туда… На нее напали в арке, двое. Тогда я был уверен, что поступаю правильно, и, честно говоря, тем двоим еще мало досталось. Женщина убежала сразу, кажется, она меня испугалась. А потом меня догнала на улице полицейская машина. В ней сидел один из тех, кто был под аркой. Меня обвинили в том, что я напал на них с товарищем, – в голосе прозвучала обида. – В полиции я рассказал все, как было, но мне не поверили. И еще мне сказали, что нашли ту женщину, и она тоже говорит, будто это я напал… Ошиблись, наверное.

Ромашка не сдержала грустной улыбки. Вероятнее всего, один из тех двоих был сыном серьезного человека. А женщина… да ее припугнули! Не станет же она рисковать жизнью из-за незнакомца, которого и видела-то всего раз, пусть даже он и заступился за нее.

– Потом и вовсе что-то странное происходило… – Ромашка услышала тихий вздох. – У меня все отобрали, поэтому я слегка зарос, нечем было побриться. В камере я просидел больше месяца, они все выясняли, кто я да откуда. Как-то сразу поняли, что нездешний. Я притворился, что ничего не помню, и мне поверили. Перед тем как спрашивать, они колют какую-то жидкость… Наверное, ваши люди под ее воздействием не могут обманывать, а у меня получилось. Потом мне удалось сбежать. Меня приняла община бездомных, которые живут возле метро. Я не знаю, что случилось, но на вторую ночь один из тех, кто разделял со мной пищу и кров, решил меня убить. Я не ожидал, вот и… Остальное ты знаешь.

Он замолчал. Открыв глаза, Ромашка увидела задумчивое лицо незнакомца – он, похоже, до сих пор пытался понять, что же сделал не так и почему оказался раненный и беспомощный на ступеньках больницы.

Почувствовав взгляд Ромашки, он обернулся.

– Кстати, после того случая, как только пришел в себя, я решил проверить остальные больницы в вашем городе. И знаешь, что?

Кажется, он собирался ее удивить. Ромашка вздохнула:

– Знаю.

Человек растерянно моргнул, нахмурился и отвернулся. Девушка разглядела, что волосы у незнакомца длинные, почти до лопаток, и стянуты ремешком на затылке.

– Ты, наверное, и впрямь издалека приехал, – прошептала она.

– Да, издалека.

Он обернулся и, не поднимая взгляда, протянул ей кружку с жидкостью, от которой шел пар, а Ромашке вдруг стало неловко: ее собеседник, видно, понял, что его считают наивным, едва ли не сумасшедшим. Еще бы! Мало того, что его удивляют обычные, в принципе, вещи, так и теперь он спокойно рассказывает о себе почти незнакомой девушке. Да и стал бы нормальный человек лезть выручать ее после того, как уже обжегся однажды и просидел два месяца, в общем-то, ни за что?

Девушка глотнула из кружки и скривилась – фу, кислятина! Но пить хотелось, а другого ей не предложили.

– А зачем ты к нам приехал?

– Я должен прожить здесь год. Так надо. Только не спрашивай, зачем. Я не хочу врать, а рассказать все, как есть, пока не могу.

– Хорошо, – согласилась Ромашка.

И снова услышала далекий гул. «Метро, это точно», – решила она. Вручив собеседнику пустую кружку, девушка расслабилась, веки снова отяжелели и опустились. Боль почти прошла, и теперь Ромашке хотелось одного – спать.

– А зовут тебя как? – сонно спросила она.

– Мирослав.

– Мирослав? Какое странное имя…

Проснувшись, Ромашка поначалу не сообразила, где она, но, собравшись с мыслями, успокоилась. Голова не болела, и девушка попыталась подняться. Мирослав сидел на корточках, глядя на пар, что поднимался из носика закипающего чайника. От двери, сооруженной из картона и досок, тянулся по полу провод, к самодельной розетке была подключена маленькая, в одну конфорку, плита.

Мирослав снял чайник с конфорки и наклонил над кружкой. Вода полилась с шипеньем и бульканьем. Запахло чаем, но как-то необычно – залитый кипятком чайный пакетик пахнет иначе.

– Тебе лучше? – спросил Мирослав, передавая кружку.

– Да.

Ромашка пила чай медленно, наслаждаясь вкусом, растягивая удовольствие. Выспавшись, она чувствовала себя отдохнувшей. По телу разливалось приятное тепло.

– Идти сможешь?

Девушка кивнула. Неизвестно, как долго она была здесь: вдруг кто-нибудь хватится? Да и не стоит стеснять человека, которому и так обязана жизнью.

– Не сердись на меня, Ромашка, что не предлагаю тебе отдохнуть подольше, – сказал Мирослав. – Дома тебе будет удобнее, да и, мало ли, вдруг полицейские нагрянут? На этот раз я, кажется, неплохо спрятался, но лучше тебе тут не задерживаться.

Они вышли через подвальную дверь ничем не примечательного старого дома, и, пройдя четыре квартала, оказались перед серым зданием музея. Ромашка всю дорогу украдкой наблюдала за спутником: одетый в нелепую старую куртку, он шагал, свободно расправив плечи, и выглядело это так естественно, что девушка подумала: да в нем не заподозрит чужака лишь слепой! Однако люди не обращали внимания на Мирослава: ссутулившись, глядя себе под ноги, они спешили поскорее добраться до дома, пока не сгустились сумерки. Пройдет полчаса, и прохожие начнут опасливо жаться к краю тротуаров, шарахаясь от каждой тени, пугаясь визга тормозов за спиной. Ромашка удивилась еще: как это Мирослав не боится вот так ходить по городу – а вдруг полиция? Но рассудила, что вряд ли простым патрульным, ленивым и неповоротливым, есть до него дело.

Мирослав попрощался с девушкой, не дойдя квартала до ее дома, но и дальше Ромашка шла без опаски, зная, что светлые глаза чужака смотрят ей в спину. А, войдя в квартиру и заперев за собой дверь, девушка первым делом, как, обещала, включила свет в комнате.

Как только окно ее вспыхнуло желтым, человек в потрепанной куртке удовлетворенно кивнул и, развернувшись, пошел прочь.

Утро занималось серое, рассеянный свет прокрался в окно, осветив лицо сидящей на диване девушки. Она почти не спала: ей было о чем подумать этой ночью. Ромашка мысленно вернулась к происшествию, которое, без вмешательства Мирослава, могло окончиться весьма печально, и тут же вспомнила про Рыся. Его-то некому было спасать! Перепуганная Ромашка бросилась к телефону, но вспомнила, что так не спросила номера. Тогда девушка решила, что пойдет к музею и будет ждать парня там.

Было сыро и зябко. Ромашка стояла у широкого крыльца, поглядывая на прохожих. «Как же они все похоже ходят!» – подумалось ей. Теперь бросались в глаза и ссутуленные спины музейных работников, и озабоченные выражения лиц.

Рысь появился за пять минут до открытия. Вид у него был помятый. Парень смотрел в асфальт и не заметил поджидавшую его девушку, пока она не преградила ему дорогу.

– Ты? – удивился Рысь. – Я тебе звонил вчера. Где ты была?

– Тебе сильно досталось? – спросила Ромашка.

– Да так, прилично. Хотя, это я еще дешево отделался. Кастет услышал шум и пошел за Лысым и за тобой. Ну, я и убежал потихоньку.

Девушка изумленно смотрела на него:

– Убежал, значит…

– Ну да, убежал, – парень хмыкнул. – Тебе спасибо!

Ромашка улыбнулась, а потом расхохоталась, да так громко, что прохожие начали оборачиваться.

– Ты что, с ума сошла! – шикнул на нее Рысь.

Он обошел девушку и направился к крыльцу. А Ромашка все смеялась, не обращая внимания на косые взгляды, потом притихла: чего доброго, еще полицию вызовут.

Сегодня на улице было неспокойно. Заслышав выстрелы, Ромашка отошла от окна: маловероятно, что в стекло попадет случайный снаряд или пуля, но кто знает? Район между Кольцевой улицей и городской стеной считался неблагополучным, здесь регулярно устраивали облавы. Говорили, что за стеной – пустыня, что человек там не выживет, что ядовитые испарения оттуда переползают стену, прикинувшись туманом, и сводят людей с ума. Полиция часто ловила в этом районе сумасшедших, которые стремились пробраться за стену, навстречу погибели.

А за стену, как известно, вел только один путь – тоннель, по которому скорые поезда возили богатых горожан отдохнуть под южным солнцем. Тоннель тщательно охранялся, но желающие выйти из города этим путем находились. Брат говорил, что даже если пройти незаметно в тоннель, живым из него все равно не выбраться. И что есть еще ворота в стене, но к ним и вовсе подобраться невозможно. Ромашка слушала рассказы брата словно страшные сказки, и только теперь начала задумываться: а что если брат сам искал пути наружу? Но стена охранялась, это знали все. А за стеной была ядовитая пустыня, и это тоже все знали. А потому, рассуждала Ромашка, вряд ли разумно даже задумываться о побеге…

«Побег»? Само это слово, мысленно произнесенное, заставило девушку насторожиться: странно, именно так она думала о выходе из города. Будто заключенный, стремящийся на волю из застенок. Так может, город – это и есть тюрьма? Большая тюрьма для миллионов людей?

От таких мыслей Ромашке стало жутко, девушка постаралась выбросить их из головы, но дала себе зарок выпытать у Мирослава, что находится там, за стеной. Если, конечно, представится им еще случай свидеться.

Взрыв грохнул где-то близко, так, что зазвенели стекла и вздрогнули стены. Ромашка сжалась, прикрыла руками голову. «Как это я все не привыкну?» – с досадой подумала она, и тут заметила, что на оконном стекле появилась трещина. Она спускалась блестящим шрамом от левого верхнего угла. Ромашка долго смотрела на эту трещину, и лицо ее не меняло выражения, потом девушка вынула из стола краски, кисть и положила перед собой чистый лист бумаги.

Глава 5

Желание снова посетить в музей пришло спонтанно. Ромашка не без труда уговорила Дельфину составить ей компанию. Около двенадцати часов дня подруги купили по билету и вошли в просторный холл первого этажа. Экскурсовода им не требовалось – Ромашка знала все, что рассказывали посетителям, даже больше. Дельфина же была здесь впервые. Вернее, в детстве родители приводили ее сюда, но это было давно и совершенно не запомнилось.

Предвкушая, как будет показывать Дельфине сначала море, а потом статуи, Ромашка повела подругу через холл к лифту. Кабинка опустилась на минус первый этаж, двери бесшумно разъехались. Ромашка вышла первой и замерла – моря не было.

То есть были картины на боковых стенах, но самого главного – огромного, во всю стену, моря – не было. Табличка на стене гласила: «картина на реставрации». Девушка в растерянности перечитывала эту надпись, но вот рядом послышался приглушенный возглас Дельфины:

– Какая красота!

Ромашка повернулась к подруге. Та рассматривала ясное море с белыми крыльями парусов над водой.

– Ты знаешь, – сказала Дельфина, – я ведь его тоже никогда не видела…

День был пасмурный, дождливый, и статуи, так поразившие Ромашку, смотрелись в электрическом освещении совершенно иначе, но Дельфина заинтересовалась и долго ходила от одной фигуры к другой.

– Мужчины красивые, – заключила она. – Странные, но красивые. Такие… мужественные, что ли? Если бы вот этого, – она указала на мраморную фигуру обнаженного спортсмена, – сделать повыше ростом и оживить, да еще дать ему не самый скверный характер, я бы не отказалась стать его девушкой!

– А женщины тоже странные, – задумчиво продолжила Дельфина. – Я не знаю, можно ли назвать их красивыми… Но они такие другие!

Оглядевшись, Ромашка увидела незнакомого смотрителя. «Может, Рысь дежурит в другом зале?» – подумала она. Стоило порадоваться такому стечению обстоятельств, но девушка отчего-то тревожилась.

Подруги ходили по этажам до тех пор, когда голос в динамиках, прервав негромкую музыку, не объявил об окончании рабочего дня. Рыся они так и не встретили.

– Ты знаешь, недавно нас всем потоком водили в музей современного искусства, – сказала Дельфина, когда вышли на Кольцевую. – Мне там не понравилось.

– Мне кажется, – задумчиво произнесла Ромашка, – что в тех картинах и статуях, которые создали после Каменного Дождя, не хватает чего-то очень важного.

Вечером Ромашка сидела у окна, смотрела на полоску неба над стеной и гадала, появятся ли сегодня звезды. К вечеру небо прояснилось и стало приятного синего цвета. Конечно, не везде над городом, а только над стеной. Вдруг тишину прорезал громкий крик: кто-то кричал так же, как недавно, в темном проулке, кричала сама Ромашка. Девушка замерла, прислушиваясь, но теперь на улице было тихо. «А вдруг Мирослав там? Вмешается еще, с него станется», – подумала девушка, и тут же отругала себя: если бы чужак не вмешался, что стало бы с нею в ту ночь?

Ромашка вышла в гостиную. Свет включился автоматически. Пульт от телевизора валялся на диване, девушка, подхватив его, нажала кнопку наугад. Засветился экран на стене: молодая дикторша рассказывала что-то о политике, об экономике, и Ромашка слушала, не вникая, но тут на экране появилось здание музея, а потом большой холл, картины на стенах… в кадр попала табличка «картина на реставрации», и девушка прислушалась.

А минуту спустя в квартире Дельфины запиликал телефон.

– Привет, это я! – донесся из динамика взволнованный голос Ромашки. – Слушай, мне срочно нужно найти Рыся. Ты не знаешь, у кого из наших можно узнать телефон или адрес?

Рысь жил в высотном доме на одной из улиц, что лучиками расходились от центра города к окраинам, упираясь в Кольцевую. В квартире, которую он делил с родителями и братом, почти всегда было холодно и немного сыро. Зато, кроме кухни-гостиной, здесь было еще две комнаты, и в каждой из них – по окну. Платить за такое жилье приходилось немало, но родители решили, что лучше будут экономить, чем переберутся в однокомнатную. Экономить приходилось на всем, но ради привольной жизни в двух комнатах семья готова была терпеть неудобства.

В прошлом году случилось несчастье: отец Рыся заболел, отравился испарениями на химзаводе. Он почти не вставал с постели, и с завода его уволили. Теперь мать и старший брат работали с утра до ночи, Рысь поначалу тоже работал, но платили ему мало, и парень решил найти другой способ раздобыть денег.

В один из первых весенних дней Рысь пришел домой под утро, вымотанный и уставший, разминувшись с матерью и братом всего на две минуты. Не позарившись на оставшуюся с вечера лапшу, повалился на диван.

Трель дверного звонка долго не могла разбудить его, Рысь ворочался, не понимая, во сне ли он это слышит или наяву, а потом испуганно вскочил. На цыпочках прокравшись в прихожую, Рысь посмотрел в глазок, отпер замки и зло рванул дверь на себя.

– Ты! Чего ты пришла?

– Хочешь, чтоб я ответила на твой вопрос прямо сейчас? – спросила Ромашка. – Хорошо. Я знаю, что ты украл из музея картину и продал…

Рысь схватил ее за курточку и втащил в квартиру.

– Ты что несешь?

– Я не несу! Я знаю! Помнишь, те двое сказали, что ты им денег должен? А ты сказал, что уже нашел покупателя! А вчера в новостях передали, что из музея похитили картину – ту, большую, с морем!

Все это девушка выпалила на одном дыхании и теперь ждала реакции Рыся. Тот сначала молча смотрел на нее, потом тихо выругался.

– Я не брал картину. Ее украл другой человек, а я нашел для него покупателя и получил за это процент.

А ведь Ромашка до последнего надеялась, что Рысь окажется ни при чем…

– Рысь, ты… Ты хоть понимаешь, что сделал?

– А еще, – спокойно продолжил Рысь, – я нашел и скопировал планы этажей музея с сигнализацией, со всеми служебными лестницами, и еще план хранилища. И продал их за хорошие деньги.

Плечи Ромашки поникли.

– Зачем?

– Глупый вопрос.

Из-за закрытой двери в родительскую комнату раздался стон, и парень метнулся туда. Дверь за собою прикрыл неплотно, и Ромашка слышала, как Рысь разговаривал с кем-то.

– Кто там? – тихо спросила она, когда парень вернулся.

– Отец.

Девушка опустила глаза. Отец у Рыся был еще совсем не старый, а значит, есть лишь одна причина, почему он сейчас дома, а не на работе.

– Давно болеет?

– Уже почти год, – Рысь вздохнул. – Последний месяц вообще на ноги не встает.

Ромашка украдкой посмотрела на запертую дверь. Теперь она понимала, почему Рысь отважился на преступление. И почему нисколечко в нем не раскаивается. Наверное, на самом деле парень не так уж плох, но обстоятельства вынудили поступить против совести. Так смеет ли она осуждать его?

Ромашка вспомнила ту страшную ночь, когда за ней гнались бандиты, и то, как спокойно Рысь признался, что убежал сразу, как только смог.

– Скажи, – попросила она, – зачем ты встречался со мной, приглашал в музей, а потом на прогулки?

Рысь отчего-то смутился и не стал отвечать, тогда Ромашка ответила вместо него:

– У тебя сейчас трудности с деньгами, и тебе нужна была девчонка, которая не попросила бы повести ее в ресторан, а согласилась бродить по улицам. И которая, в благодарность за то, что ее слушали и поддакивали, пригласила бы к себе на ночь. Так? Никаких растрат, сплошная экономия! Можно сказать, бесплатное удовольствие!

Ромашка чувствовала, что говорит чушь, что от своих слов сейчас расплачется сама. Она выбежала из квартиры, а Рысь остался на пороге.

– Ты себя в зеркало видела? Какое удовольствие? Такое только даром предлагать!

Ромашка услышала грохот с силой захлопнутой двери и ускорила шаг. Горькая обида жгла изнутри, перед полными слез глазами все расплывалось. Девушка подумала еще о том, что теперь, наверное, никогда больше не увидит ту картину, и никогда не сможет показать ее Дельфине. Но, тем не менее, она точно знала, что как ни гадко поступил с нею Рысь, она его все-таки не выдаст.

Глава 6

Первый ясный день после недель дождя был так прекрасен, что даже вечером, когда солнце спряталось за темными громадами домов, хорошее настроение не покинуло Ромашку. Девушка беспечно задержалась в университете, а после отправилась домой пешком. Сегодня все плохое ускользало от ее взгляда – не видать было ни сгущающихся теней под арками, ни мусорных куч, ни озабоченных лиц прохожих. То, что Ромашка, находясь в таком мечтательно-рассеянном состоянии, благополучно дошла почти до Кольцевой, можно было назвать чудом, но это оказались не все чудеса, которыми собирался удивить ее сегодняшний день.

– Здравствуй, Ромашка. Поздно ты нынче.

Ромашка обернулась, и сердце кувыркнулось от радости. А она-то почти перестала надеяться на встречу! У нее даже не нашлось слов, чтобы поприветствовать Мирослава, так неожиданно появившегося и спокойно идущего рядом с нею широкими, уверенными шагами.

– Вечером у вас небезопасно, – сказал он, словно сообщил не абы какую новость, и добавил: – За тобой парень идет. Мне он не понравился – глаза нехорошие. Ростом с меня, волосы темные, кучерявые.

– Не знаю, – прошептала Ромашка. – Наверное, Рысь.

– А что ему нужно? Как думаешь?

– Не знаю…

– Вот и я не знаю. Но глаза у него нехорошие. Кабы не обидел.

Вспыхнули фонари. Тени под арками и в проулках теперь казались еще резче, еще чернее, но Ромашка, вопреки обыкновению, не бросала на них опасливые взгляды. Она глядела в лицо спутника, а когда серые глаза из-под нахмуренных бровей посмотрели в ее сторону, смутилась.

– Все-таки лучше выяснить, что ему от тебя нужно. Если сейчас не узнаем – и в другой раз за тобой увяжется. – Они свернули за угол, Мирослав остановился. – Постой здесь и подожди, пока он подойдет.

– Как это? – не поняла Ромашка.

– Не бойся. Я здесь буду, совсем рядом.

Он отступил в тень, что тут же сделало его невидимым, а Ромашка осталась стоять посреди тротуара, поджидая, пока из-за поворота выйдет Рысь. И действительно: парень вскоре показался на улице и оторопело замер, увидев, что Ромашка его ждет. Деваться было некуда, Рысь направился к ней.

– Ты зачем за мной шел? – спросила девушка, когда Рысь остановился в двух шагах от нее.

Рысь молчал. Ромашке казалось, он хочет что-то сказать, но не может решиться. Парень, однако, недолго колебался. Он сунул ладонь под куртку и… закрыв глаза, мягко осел на руки вставшего за его спиной Мирослава. Из разжавшихся пальцев Рыся выпал нож и, блеснув лезвием, звякнул об асфальт.

Они сидели в тени, под аркой, прохожие, спеша по улице, не замечали их. Глаза Ромашки понемногу привыкали к темноте, и она смутно различала хмурое лицо Мирослава, а также неподвижно лежащего с закрытыми глазами Рыся, и у нее никак не укладывалось в голове, что Рысь, бывший одноклассник и несостоявшийся ухажер, только что собирался ее убить.

Мирослав объяснил, что парень спит, и молча ждал, пока девушка придет в себя, думая о чем-то своем.

– Не понимаю, как же так…

– А мне казалось, я один здесь чего-то не понимаю, – хмыкнул ее спаситель.

Девушка поежилась, Мирослав снял куртку и протянул ей.

– Нет-нет, – поспешно отказалась Ромашка. – Это не от холода.

– А отчего же?

– От страха, наверное. Пожалуйста, надень куртку. Сейчас ведь холодно, и… и мне как-то неловко.

– В вашем городе не бывает по-настоящему холодно, – возразил Мирослав и накинул куртку Ромашке на плечи. – Согреешься – отдашь.

Смущенная и согретая не столько старой курточкой, сколько позабытым уже ощущением заботы, девушка тихо поблагодарила и какое-то время сидела, наслаждаясь теплом. Потом взгляд ее упал на все еще неподвижного Рыся.

– Это, наверное, потому, что я узнала о краже, – сказала Ромашка. – У нас из музея украли картину. Рысь в этом участвовал, а я об этом узнала. Поэтому Рысь и решил меня убить, чтобы не выдала.

– Интересно, кому и зачем могло понадобиться красть картину? – пробормотал Мирослав.

Ромашка даже рассердилась: как можно быть таким непонятливым?

– Она же дорогая!

Мирослав смотрел на нее с недоумением.

– Она очень дорогая! За нее дадут кучу денег! Ну как ты не понимаешь? Какой-нибудь богач ее купит и повесит у себя дома или где-нибудь еще, я не знаю…

Услышав тихий смех, девушка растерянно умолкла.

– Прости меня, Ромашка, – сказал Мирослав, решив, что она обиделась. – Я не над тобой смеюсь… Видишь ли, я изучал психологию людей, живущих в обществе, подобном вашему, но не думал, что эти познания так сложно применять на практике.

– Значит, вы еще и специальную психологию про нас придумали? Ну-ну…

– Пожалуйста, не обижайся. Просто… у вас тут, действительно, все по-другому.

Ромашка хотела еще что-то сказать, но как-то сникла. Она вдруг поняла, почему Мирослав хмурится: не оттого, что сердится, а потому что все время пытается что-то понять и никак понять не может. «Неужели их жизнь настолько отличается от нашей?» – подумала она и вздохнула:

– Спасибо. Ты опять меня спас.

– Не за что, – пожал плечами Мирослав.

– Нет, очень даже есть за что. Если б не ты, мне бы никто не помог!

– Этого не может быть. Просто так получилось, что я оказался рядом. Не я, так кто-нибудь другой…

– Нет. Пойми, у нас, как ты сам сказал, все по-другому. Сколько бы я ни звала на помощь – никто бы не пришел! – она вздохнула и, видя, что Мирослав вновь собирается возразить, добавила: – Вспомни лучше эту свою специальную психологию.

Он промолчал. Ромашка встала и протянула Мирославу его куртку:

– Я уже согрелась, правда. Возьми.

Мирослав не стал спорить, а девушка вновь присела, облокотившись о стену, и задумалась.

У них предпочитали короткие имена, а длинные сокращали. Так Нарциссу называли Цисси, а Дельфину – Дилли. Ромашке это не нравилось – чаще всего имена теряли и красоту, и смысл. Но она попыталась по-привычке сократить имя нового знакомого, и, к своему удивлению, получила слово простое и понятное.

– Мир, – прошептала Ромашка.

Мирослав удивленно поднял голову.

– Мир, – повторила девушка. – Ты знаешь, у нас принято сокращать длинные имена.

– У нас обычно не сокращают.

– А расскажи мне, – попросила девушка, – что находится там, за стеной?

– Не сегодня, Ромашка… Скажи лучше, ты знаешь, где живет этот Рысь? Когда он придет в себя, я с ним поговорю немного и, может быть, придется его домой провести. А пока… – Мирослав поднялся, протянул руку девушке. – Пойдем, я провожу тебя.

Сидя на широком подоконнике, Ромашка смотрела на небо, уже потемневшее и, как обычно, беззвездное: «Интересно, что же находится за стеной?» Девушка прикрывала глаза, и перед ее мысленным взором вставали виденные в музее картины. Ромашка была уверена, что таких чудес, как на старинных полотнах, она за стеной не увидит, но там обязательно должно быть нечто невероятное, отличное от всего, что она видела в жизни. И неизвестно еще, правду ли говорят о ядовитой пустыне. А вдруг нет? Ведь пришел же откуда-то из-за стены чужак Мирослав?

Ромашка встала, подошла к столу и вынула коробку с красками. Через минуту рядом стояла чашка с водой, и белел чистый лист. Ромашка обмакнула кисточку в воду, взяла немного черной краски – и вот на листе появились зловещие прямоугольники домов, между которыми каждый день Ромашка видела стену и небо. Да только сегодня девушка не стала рисовать стену, а представила себе, будто ее нет вовсе. Тогда сразу, за домами, желтой краской, постепенно переходящей в свежую зелень, обозначились небольшой пустырь и луг. Темно-зеленым Ромашка нарисовала лес, за лесом – холмы. И над холмами, на фоне яркого голубого неба, сияло солнце.

Глава 7

А жизнь текла своим чередом. Дни стали теплее и ярче, прохожие сбросили куртки и все чаще забывали дома зонты. Лужи наконец-то высохли, вечерами темнело позже, и можно было дольше гулять, чаще ходить пешком, не торопясь домой.

Сколько раз во время таких прогулок Ромашка намеревалась свернуть с Музейной, пройти квартала четыре до старого дома, ничем не примечательного в ряду точно таких же домов, пробраться в подъезд, постучать в подвальную дверь… Но всякий раз одергивала себя, понимая, что из-за глупой прихоти может навлечь беду на человека, не раз спасшего ей жизнь.

Весна подходила к концу, в центральном парке зацвели вишни – хилые, с редкими ветвями, такие тонкие, что Ромашка могла бы обхватить ладонями ствол. Но в эту пору они казались девушке самым прекрасным, что может быть на свете. Стоя у столба на аллее центрального парка, Ромашка долго смотрела на них и принюхивалась, угадывая в невероятном сплетении запахов тонкую нить цветочного аромата. Дельфина со своим новым парнем по имени Кит каталась на аттракционе. Они предлагали и Ромашке, но та отказалась. Понаблюдав немного, как кружатся и переворачиваются вверх ногами Дельфина, Кит и еще человек двенадцать счастливцев, нашедших деньги на билет, Ромашка отошла в сторону и замерла, глядя на цветущие ветви.

Со стороны ее поведение казалось странным: никто не приходил в парк лишь затем, чтобы поглазеть на деревья. Люди вообще редко смотрели вверх, куда чаще – под ноги, но девушка не думала об этом. Ей хотелось прикрыть глаза, только этого делать не следовало: мигом обворуют либо прицепится кто-нибудь, поэтому Ромашка смотрела и смотрела вверх, лишь изредка поглядывая по сторонам. Когда рядом с нею остановился кто-то и тоже прислонился к столбу, девушка ощутила досаду: ее символическое уединение было прервано.

– Здравствуй, Ромашка.

Ноги вдруг стали ватными: вот уж поистине, когда она и не думала, не гадала о встрече… Ромашка медленно повернула голову.

Мирослав, щурясь, смотрел на нее, лицо было бледным, щеки ввалились, резче обозначив скулы. На лбу, у переносицы, залегла глубокая морщина, которой Ромашка не помнила. В остальном же он не изменился: глаза все те же, все так же собраны ремешком на затылке гладкие, светло-русые волосы. Ромашка разглядывала его, смущаясь и опасаясь хоть на мгновение отвести взгляд: кто знает, может, это всего лишь мираж, который, только она моргнет, исчезнет? Но все сомнения в реальности происходящего рассеялись, когда сильные пальцы сжали ее ладонь.

– Пойдем. Я знаю тут место…

Как они шли – Ромашка не помнила. По дороге она позвонила Дельфине, предупредив, чтоб ее не ждали. Потом была какая-то улица, дверь дома, подъезд, лифт, скрип решетчатой двери… Все это время Ромашка боялась выпустить ладонь Мирослав и потерять его посреди городской суеты. В лифте она стояла рядом с ним напряженная, словно натянутая струна, а стоило им оказаться наверху, в высоком чердаке, где жутко скрипели и гудели механизмы лифтов, вдруг почувствовала слабость в ногах.

– Здесь никого нет, – начал Мирослав, – и можно спокойно поговорить. Ты знаешь, Ромашка… Ромашка? Ты что, плачешь?

Девушка хотела возразить, но слова застряли в горле. Она действительно плакала, улыбаясь сквозь слезы.

Устроились на ступеньке перед выходом на крышу. Ромашка успокоилась, но, глядя на Мирослава, не в силах была сдержать улыбку.

– Ты знаешь, Ромашка, – рассказывал тем временем Мирослав, – у вас есть люди, которые хотят сделать подкоп под стеной. Я узнал об этом случайно и все пытаюсь их найти. Пока безуспешно, к сожалению.

– Ты им помочь хочешь? – спросила девушка.

– Нет. Отговорить.

– Отговорить? Почему?

– Потому что ничего у них не выйдет.

– Почему же обязательно не выйдет? – Ромашка даже обиделась за неизвестных заговорщиков. – Я понимаю, что мы кажемся тебе странными, но не тупыми же?

Сказала и поняла, что зря вспылила. Мирослав не обиделся.

– Смотри, – Он пальцем начертил на верхней ступеньке, покрытой слоем пыли, круг, а внутри него – еще один. – Вот ваш город, а вот ров у подножья стены. Он довольно глубокий, и вместо воды в нем ядовитая смесь. И еще: стена очень толстая, без техники ее не пройти, а с техникой – охрана заметит… Стена уходит глубоко под землю и упирается в скалу, так что затея с подкопом обречена. Можно, конечно, взорвать участок стены, но, опять же, ров, а за ним – километров восемь мертвой земли.

Мирослав очертил свой рисунок еще одним кругом, и края этого круга не поместились на ступеньке.

– В жаркие дни над мертвой землей поднимаются ядовитые испарения, а сейчас уже почти лето. Воздух там плохой, долго не продержаться, особенно на бегу. Разве что в противогазе… А ловить беглецов будут те, кто оснащен гораздо лучше. Так что уйти им не дадут. Поймают и, наверное, в тюрьму посадят.

«А скорее – расстреляют на месте», – додумала Ромашка.

– Но они ведь не могут вообще не знать, что их ждет за стеной! – возразила она вслух. – Наверное, уже увидели с какой-нибудь крыши, что там пустыня, или…

– А ты когда-нибудь была не крыше? – тихо спросил Мирослав.

Ромашка покачала головой, вдруг сообразив, что ни разу за всю жизнь не удосужилась забраться на крышу и посмотреть оттуда на город, на то, что за ним… Ей такое просто в голову не пришло!

– Если мы сейчас поднимемся по этим ступеням на крышу, – услышала она, – то увидим только множество таких же крыш. Ты разве не знала, что самые высокие здания расположены у стены? С них город виден как на ладони. А все остальные дома ниже, и к центру города высота зданий уменьшается. Есть, правда, в центре несколько домов, которые выше остальных, но…

– Здание правительства, – подсказала Ромашка.

– Да-да, и тому подобное.

– А крайние? С них-то можно посмотреть за стену?

Мирослав улыбнулся:

– У этого чуда архитекторской мысли окна только в стене, что выходит на Кольцевую. А на их крыши обычным горожанам проход закрыт.

Как странно, подумала Ромашка, она столько лет жила в городе и не знала всего того, что только что сообщил ей чужак, проведший здесь меньше года!

– Значит, у них не получится сделать подкоп, – девушка вздохнула. – Жаль. Мне бы тоже очень хотелось побывать там, за стеной.

Мирослав смотрел на рисунок в пыли, а потом сказал тихо:

– Как только я выполню задание, я смогу забрать тебя отсюда. Хочешь?

– Хочу! – встрепенулась девушка. – А когда это будет?

– Мне осталось жить здесь два месяца. Даже меньше – всего-то семь недель.

– И ты правда меня заберешь?

– Да. Но не сразу. Сначала мне надо вернуться домой и довести дело до конца, а потом я обязательно за тобой вернусь.

– А-а-а, – разочарованно протянула девушка. Поднялась на ноги, отряхнула одежду. Конечно, станет он возвращаться сюда неизвестно ради кого и чего!

Мирослав словно прочел ее мысли, глянул с легким укором… Ромашка опустила глаза.

– А какое у тебя задание?

Он помедлил с ответом, и девушка невесело усмехнулась:

– Ладно. Не надо, не отвечай, если это тайна. Выполняй задание и уходи. Тебе ведь здесь не нравится, да? И порядки странные, и люди странные. У тебя дома, наверное, лучше.

«Теперь-то он точно обиделся», – подумала Ромашка с непонятным ей самой злорадством. Она так радовалась, что Мирослав, наконец, объявился, но теперь он обещает, как это делают все, то, чего не собирается выполнять… И кто его, спрашивается, тянул за язык? Зачем говорил, что заберет ее из города?

– Наверное, вы слишком часто лжете друг другу, поэтому ты, Ромашка, привыкла кругом видеть обман и никому не доверять, – Мирослав пожал плечами. – Может, оно и правильно. В вашем городе я встретил очень мало хороших людей, но достаточно тех, кого и людьми-то назвать язык не поворачивается.

Мирослав нахмурился – видно, воспоминания не давали покоя.

– А знаешь, зачем я сюда ехал? – продолжил он после небольшой паузы. – Наверное это смешно звучит, но я должен доказать, что вы не такие страшные, как о вас рассказывают.

– Это как?

– Да как угодно. Во-первых, я должен был прожить у вас год и вернуться. Я только здесь понял, что основная задача – выжить. Надеюсь, у остальных дела получше…

– У остальных? – перебила Ромашка. – Так вас тут много?

– Кроме меня, еще семь человек в других городах. И наша задача: прожив год в городе, вернуться и доказать на Совете, что… – Мирослав пристально посмотрел на девушку, – что нет необходимости уничтожать города.

Гулкие щелчки лифтового механизма отражались эхом от бетонных стен.

– Что? – тихо спросила Ромашка.

Мирослав молчал.

– Вот как! Значит вы, живущие там, за стеной, будете решать, стоит нам жить или нет?

Он все еще молчал. А Ромашке вдруг показалось, что ее вытолкнули из окна, и она летит и летит вниз… Голова закружилась, девушка схватилась за поручень. Мирослав хотел помочь ей, но Ромашка зло оттолкнула его руки:

– Не… не надо! Не надо!

Ноги девушки подкосились, она вновь опустилась на ступеньку. Мирослав стоял, глядя сверху вниз, потом отошел и тоже сел.

– Мы пытаемся договориться с вашими правителями уже более ста лет, – услышала девушка тихий голос. – За это время границы мертвой земли вокруг города расширились, вода в реках вокруг больше не пригодна для питья. После Каменного Дождя уцелело не так много городов, но они разрастаются, и со временем, я уверен, ваши правители решат, что могут угрожать нам. Поэтому Совет и поставил вопрос об окончательном уничтожении городов.

– Но ведь тут же мы… – прошептала Ромашка. – Тут же люди!

– Люди… – эхом повторил Мирослав. – Люди… У нас многие на Совете выступили против, и тогда решили отправить по одному человеку в восемь разных городов, чтобы они прожили там год, а потом вернулись и рассказали, как живут здесь люди, можно ли обратиться к ним, можно ли дать им время исправить ситуацию. А времени почти нет! Мертвые воды скоро заразят великие реки… Ты понимаешь, Ромашка? Сейчас вокруг города большая пустыня, и если ничего не делать, она будет расти и дальше, и расти очень быстро, с каждым годом все

быстрее. Разве ты не замечаешь? Вы почти не видите солнца и звезд, у вас круглый год тепло и не бывает ветра.

– Мы привыкли…

– Вы привыкли! – Мирослав усмехнулся, и Ромашка, наконец, подняла взгляд. – В городе у вас действительно страшно, а то, что происходит за стеной из-за вас – еще страшнее. Но вы привыкли, вам не хочется ничего менять. Вами, как марионетками, управляет жалкая кучка нелюдей, а вы…

Он встал и стер носком ботинка рисунок с пыльной ступени.

– Через семь недель я должен вернуться домой и рассказать на совете обо всем, что здесь видел. И доказать, что у нас с вами еще есть шанс все изменить. Понимаешь, Ромашка?

Ромашка не сразу смогла ответить.

– Понимаю, – пробормотала она вдруг осипшим голосом. – Понимаю… Нелегко тебе придется на совете. Будешь доказывать, что черное – это белое?

– Я не изменил решения. И сделаю все возможное, чтобы Совет принял нашу сторону. Я пока еще верю, что в городе есть люди, которым небезразлично то, что происходит.

– Все еще веришь?

– Да, Ромашка, пока верю. Хотя я все еще многого не понимаю…

Уже смеркалось, когда Ромашка и Мирослав вышли из подъезда. Серое беззвездное небо куполом накрывало город. Девушка надеялась сегодня добраться домой без приключений, а то вдруг Мирослав все-таки разочаруется в людях? Жизнь в городе почти излечила его от излишней доверчивости и научила осторожничать, но вера в людей, в то, что до сердца каждого человека можно достучаться, осталась неизменной.

В этот вечер Ромашка стояла на коленях пред распахнутым окном, лист бумаги и баночка с водой – на подоконнике. Сначала девушка нарисовала два дома, два черных дома, а потом… потом скомкала рисунок и бросила на пол промоченный акварелью комок. Взяла новый лист. Ромашка все еще сомневалась, с чего начать, и выходило, что без этих двух домов она никак обойтись не могла – хоть что-то на ее рисунке должно быть привычным, реальным. Вздохнув, Ромашка снова обмакнула кисть в черную краску и нарисовала крайние здания, но уделила им на листе намного меньше места. «Это как будто я забралась на крышу своего дома или еще выше», – решила девушка. Стену она рисовать не стала, вместо нее обозначила край города рвом. Ромашка не знала, как должна выглядеть ядовитая вода, но голубой краской ее рисовать уж точно не стоило. Жидкость во рву получилась желто-зелено-бурой, а за рвом девушка нарисовала мертвую землю. Мертвую, думала она, это значит без зелени, то есть пустыню, но не такую, где песок… Поэтому мертвая земля была у нее на рисунке красно-желтая, с темными трещинами, которые паутиной уходили к горизонту. А за мертвой землей – тут уж Ромашка не удержалась – высился зеленый холм с густым лесом у подножия, и все это освещало застывшее высоко в небе яркое, лучистое солнце.

На третий день после встречи с Мирославом случилось, в общем-то, самое обычное: вечером жители Кольцевой услышали жуткий грохот, за ним – выстрелы. Ромашка бы и не вспомнила об этом, но наутро в новостях дикторша с милым лицом сообщила, что проводились ремонтные работы возле стены, из-за чего граждане могли слышать шум. Дикторша очень старалась успокоить людей и уверить, что ничего особенного не произошло, и вот это показалось Ромашке подозрительным.

Потом рассказывали о нападении бандитов на патрульных полицейских, а девушка подумала, что, наверное, Мирослав так и не смог отговорить смельчаков делать подкоп или взрывать стену. Скорее всего, заговорщиков уже допрашивают в отделении. «Наверное, в новостях

больше ничего не скажут», – Ромашка потянулась к пульту, но так и не успела выключить телевизор.

– Как мы уже сообщали, вчера, около десяти часов вечера, банда отморозков напала на патрульных полицейских, исполнявших свой долг перед гражданами нашего города. Пять человек были зверски убиты. После опроса свидетелей полиции удалось составить фото-робот главаря шайки. Если вы обладаете информацией о возможном местонахождении этого человека…

С экрана смотрело с трудом, но все же узнаваемое лицо чужака-Мирослава.

Глава 8

– Этого не может быть!

С такой мыслью Ромашка засыпала и просыпалась уже несколько дней. От Мирослава не было вестей, но девушка знала, что его не нашли – в каждом выпуске новостей показывали его фото-робот, а позже – снимок, сделанный при аресте почти год назад.

– Он не мог, он не убийца! – убеждала себя девушка всякий раз, когда видела его лицо на экране.

Через день к списку злодеяний чужака прибавили еще четыре убийства, а потом еще два. Об опасном преступнике говорили даже в университете, куда Ромашка зашла обсудить с преподавателем дипломный проект. Неизвестный человек, фото которого сутками показывали по телевизору, внушал страх горожанам, но, когда в присутствии девушки коллеги принялись обсуждать последние новости, ее руководитель только посмеялся.

– Не знаю, кто на самом деле этот человек, – сказал он после Ромашке, – но, думаю, несомненно, положительный! Множество преступлений происходит каждый день, и не об одном из них не говорят на всех каналах. А ведь сколько достойных людей гибнет просто по дороге домой! Вспомнить хотя бы нашего декана – замечательнейший был человек! – пожилой преподаватель вздохнул. – Неспроста это все, неспроста…

По дороге домой Ромашка едва не столкнулась с Рысем. Парень брел, опустив голову, и заметил ее не сразу. Видимо, встрече Рысь обрадовался не более Ромашки – едва дойдя до перехода, парень перебрался на другую сторону улицы.

Было еще светло, когда Ромашка вернулась домой и набрала номер Дельфины.

– Я в метро! – Дельфина говорила громко, перекрикивая шум в вагоне. – Ты знаешь, Кит пригласил меня сегодня в ресторан. Было так хорошо! Жаль только, что у него дела вечером, и он не смог задержаться дольше.

– Так ты домой едешь?

– Да, еду. А хочешь, я к тебе зайду?

– Ты же, наверное, устала…

– Ничего я не устала! Но если ты не хочешь меня видеть или занята…

Кажется, подруга обиделась. Ромашка ответила, что занята, и они попрощались. Погода стояла ясная, и вскоре небо над стеной должно было расцвести закатом, но Ромашка ушла в гостиную, включила телевизор. Нашла новости и ждала: покажут или нет фотографию Мирослава? Если да, значит, он все еще на свободе…

Зазвонил телефон.

– Ромашка, хоть ты и бука, но все-таки я к тебе зайду! У меня такое настроение, такое настроение, что я просто обязана поделиться с тобой! Ты слышишь?

Представив, как откроет дверь и впустит Дельфину, как они вместе будут сидеть на диванчике и болтать, Ромашка почувствовала себя почти счастливой.

– Прости меня, я действительно бука, – улыбнулась она, отключая звук телевизора. – Конечно, приходи!

– Я уже вышла из метро и иду к тебе, – сообщила Дельфина. – Ждешь?

«Жду», – хотела ответить Ромашка, но не успела. В уши ударил громкий, высокий звук. В то же время эхо разнесло по улице отголосок женского крика.

– Дельфина! – заорала Ромашка, но в наушниках слышалось только шипение и треск – то ли помехи, то ли, как обычно, отошли контакты.

То ли телефон Дельфины больше не работал.

Ближайшая станция метро находилась на перекрестке Кольцевой и Музейной. Ромашка бежала по улице, заглядывая в каждую арку, в каждый проулок.

– Дельфина!

Ответа не было.

Сумерки сгущались, но тени еще не стали непроглядными и густыми, как ночью. Ромашка была уже недалеко от Музейной, когда заметила в проулке темные фигуры – пять, семь… Она замерла, не зная, что предпринять, но слуха достиг приглушенный вскрик, и Ромашка узнала голос Дельфины. Отбросив и страх, и сомнения, девушка истошно завопила и бросилась на помощь.

Ее вопль привел в замешательство тех, кто скрывался в тени. Ромашка даже успела ударить кого-то, а когда ее швырнули на асфальт – вскочила и снова ринулась в бой. Словно маленький хищный зверь, она раз за разом бросалась на бандитов, не чувствуя боли, потому что где-то рядом кричала и вырывалась Дельфина.

Сообразив, что отмахнуться от нее получится, Ромашку подхватили под мышки. Ноги девушки оторвались от земли, и Ромашка увидела лицо Дельфины… Но подругу тут же заслонили рослые головорезы, и девушка поняла, что пропала. Что они обе – и она, и Дельфина – останутся сегодня ночью лежать в темном проулке, глядя стекленеющими глазами в ночное беззвездное небо. Что на следующий день к уголовной статистике прибавятся еще две единички. Поняла и закричала еще громче, черпая силы из той самой последней надежды, что, как водится, умирает только вместе с человеком.

Из-за собственного крика она не услышала приближающийся топот. Ее вдруг отпустили, Ромашка упала на асфальт, а бандиты словно разлетелись в стороны. Девушка ни мгновения не сомневалась, кто пришел ей на помощь, но сейчас не думала об этом. Прямо перед ней, возле кучи картонных ящиков у мусорного бака, лежала Дельфина: тоненькая, длинноногая, в изящных босоножках на высоком каблуке и нарядном летнем платье. Платье было разорвано на груди, и по светлой ткани расползалось темное пятно.

– Дельфина!

Крик прозвучал в тишине. Ромашка бросилась к подруге, заглянула ей в лицо и с ужасом отпрянула – синие глаза Дельфины безжизненно смотрели вверх.

– Дельфина!..

Ромашка уже не видела, как замер с огромными от ужаса глазами Мирослав, и как затем обернулся к бандитам, которые уже приходили в себя и поднимались на ноги. И уж тем более не знала, что на самом деле именно сегодня ему впервые пришлось убивать. А четверо парней, пришедших вместе с Мирославом, не подходили к нему, не помогали и не мешали.

Ромашка не плакала. Бережно и осторожно она погладила темные волосы подруги и подтянула разорванную ткань платья, прикрывая ей грудь. Потом спокойно, словно ей уже не раз приходилось это делать, протянула руку и закрыла глаза Дельфины. И сразу стало легче. Теперь, когда не было пугающего взгляда мертвых глаз, казалось, что подруга просто спит.

– Дельфина, – прошептала Ромашка, изо всех сил надеясь, что случится чудо, подруга откроет глаза и улыбнется.

Но чудо не происходило.

На плечо Ромашки тяжело опустилась рука, девушка с трудом оторвала взгляд от лица подруги и обернулась. Наверное, Мирослав тоже долго смотрел на Дельфину, и теперь его глаза показались Ромашке такими же безжизненными, как и у подруги. Девушка моргнула, хотела позвать его по имени, но что-то сжимало горло и мешало говорить, выпуская наружу лишь невнятный шелест.

Товарищи Мирослава стояли поодаль, кто-то из них сказал:

– Полиция едет.

И девушка прислушалась: где-то, еще очень далеко, выла сирена.

Они бежали темными дворами. Ромашка едва могла двигаться, и ее подхватили на руки. Девушке было безразлично, что с ней происходит, она не смотрела по сторонам, а прятала лицо на груди человека, чьи руки легко и бережно несли ее сквозь темноту.

И неожиданно Ромашка поняла, что принесли ее не куда-нибудь, а домой. В ее квартиру. Спустились через крышу на этаж, помогли открыть дверь и уложили на диван. Что-то говорили, говорили, говорили… а потом плеснули холодной водой в лицо. Девушка заморгала, стряхивая воду с ресниц, и бросилась на Мирослава. Рычала, била сжатыми кулаками по груди, плечам и, в конце концов, уткнулась лицом в его рубашку и зарыдала.

Солнце в этот день показалось Ромашке нестерпимо ярким. Во время похоронной церемонии девушка стояла рядом с матерью Дельфины. Молодая женщина закрывала платком покрасневшее от слез лицо, и Ромашке порой казалось, что это возле нее стоит сама Дельфина.

После похорон девушка вернулась домой и упала без сил на старый диванчик в гостиной. Она ощущала себя бессмысленной оболочкой, из которой, испуганно и удивленно, смотрит на мир душа. А ведь казалось, после смерти брата ничто не сможет ранить больнее. Как такое могло случиться? Она не верила, не понимала, но разум подсказывал: подобное случается каждый день, и Дельфина – всего лишь одна из многих, из очень многих.

Вечером, проходя мимо зеркала, Ромашка присмотрелась и замерла: собственное отражение смотрело на нее из-за стекла взглядом чужака Мирослава.

Полиция сразу причислила дело об убийстве молодой медсестры к разряду заурядных уличных убийств, совершаемых похотливыми головорезами ежедневно, поэтому ни родных, ни знакомых Дельфины даже не расспрашивали. Зато Мирослава искали по всему городу, его лицо смотрело с экрана телевизора, наводя необъяснимый ужас на мирных жителей, подземное убежище вот-вот могли обнаружить… Конечно же, он не мог взять Ромашку с собой, но после смерти подруги одиночество стало невыносимым, и девушка согласилась бы разделить любую опасность с человеком, мысль о котором оставалась единственной соломинкой, не дающей полностью раствориться в горе.

Раньше ей невыносимо было целый день просидеть дома, теперь же выходить не хотелось, но уже через день Ромашка обнаружила, что у нее совсем нечего есть. На улице было тепло, солнечный свет резал глаза. И со всех сторон, со столбов и стен домов на Ромашку смотрели лица, в которых она узнавала Мирослава. Еще в день похорон девушка видела, как расклеивают плакаты, но не обратила на них внимания, теперь же не на шутку испугалась.

Выйдя с пакетом из магазина, Ромашка заспешила домой, опасливо озираясь по сторонам и желая поскорее спрятаться в квартире. Девушка благополучно добралась до подъезда, поднялась на этаж, открыла, а потом заперла за собой входную дверь… и забилась в чужих руках. Эти руки обхватили ее за туловище, закрыли рот. Что-то кольнуло в шею, и ни сил, ни воли к сопротивлению не осталось.

Глава 9

Ее мутило, в голове шумело так, как, наверное, шумит море в очень ветреный день, и еще будто кто-то кричал, звал ее издалека. Потом странные звуки утихли, и Ромашка с трудом приподняла веки.

Сначала она ничего не увидела, но тут по глазам резанул яркий свет. Девушка зажмурилась и отвернулась. Свет жег глаза даже сквозь веки, и она хотела поднять руку, закрыть лицо, но обнаружила, что руки не двигается, плотно прижатые к подлокотникам. Тогда Ромашка снова приоткрыла глаза.

Свет, направленный в лицо, делал невидимыми тех, кто стоял напротив. Она слышала их движения, их дыхание, но увидеть не могла. А на нее смотрели, Ромашка чувствовала это кожей. Короткое летнее платье открывало коленки, и от этого девушка ощущала себя еще более беззащитной.

– Смотри сюда, – прозвучал приказ.

Перед ее слезившимися глазами чья-то рука, вынырнувшая из темноты, держала фотографию Мирослава.

– Ты знаешь этого человека?

– Нет.

Пощечина обожгла щеку, голова мотнулась в сторону.

– Врешь! – Чужие пальцы больно впились в подбородок, заставили повернуться. – Смотри!

Теперь девушке показывали ее рисунок. Два черных дома, в просвете между ними – черная стена, над стеной – разноцветное небо заката. Это был один из давних рисунков, и Ромашка не поняла, чем простые картинки могли кого-то заинтересовать. Глаза пекло нестерпимо, девушка щурилась, не замечая, как по щекам катятся слезы. Лампа светила в правую щеку, и жар от нее исходил такой, что, казалось, кожа вот-вот пойдет волдырями.

Рисунок поменяли, но он был почти такой же, как предыдущий – разве что небо в других оттенках. Потом – следующий рисунок, на котором, движимая непонятным порывом, Ромашка запечатлела трещину в оконном стекле. Девушка смотрела на него недолго – всего несколько секунд, но когда лист перед нею пропал в темноте, чтобы смениться другим, она все поняла, и в отчаянии подумала, что очень зря не выкинула краски и кисточку еще в детстве…

Перед Ромашкой держали тот самый рисунок, где она впервые не нарисовала стену.

– Что это значит?

– Это просто… фантазии, – в отчаяньи оправдывалась она, зная, что, когда покажут следующий рисунок, никакие отговорки не помогут.

– Почему ты не нарисовала стену?

– Я… я просто подумала, что может быть там, за стеной, – пролепетала девушка. – Просто придумала и нарисовала.

– Но почему ты не нарисовала стену? Ты представляла, что ее нет?

Ромашка, лихорадочно соображала, что еще может сказать в свое оправдание, и решила прикинуться дурочкой:

– Но ведь когда-нибудь стены не будет! Когда там, снаружи, станет безопасно, стена будет не нужна…

– Значит, ты хочешь, чтобы стены не было?

Еще одна пощечина, не такая сильная, как предыдущая – ей просто давали понять, что ответом недовольны. Зажмурившись, Ромашка не спешила открывать глаза: нала, что увидит. Но приказ прозвучал:

– Смотри!

И Ромашка посмотрела.

Почему она не подумала, что ее рисунки могут увидеть? Зачем под впечатлением от рассказанного Мирославом взялась за кисть?

– Откуда ты знаешь, что находится за стеной?

– Я просто придумала.

Снова пощечина. И привкус крови из разбитой губы.

– Откуда ты знаешь, что находится за стеной?

– Все знают, что там ядовитая пустыня, – медленно проговорила девушка, – а ров я придумала. Раньше, в древности, города окружила не только стенами, но и рвами, вот я и нарисовала…

– Врешь!

Из темноты вынырнул еще один силуэт. Человек взял ее за подбородок и приподнял лицо, как если бы собирался заглянуть в глаза. Только поединок взглядов не состоялся: мало того, что Ромашка едва различала очертания, но и гордо глядеть в темноту не могла – лампа слепила глаза, они слезились, болели и просто-таки не желали полностью открываться.

– Тебе рассказал об этом чужак, не так ли? – раздался голос из тени.

– Я не знаю никакого чужака!

– Врешь!

Девушка ожидала удара, но… пальцы отпустили ее подбородок, безликий снова заговорил:

– После того, как вы с подругой зашили чужака, мы провели обыск в ваших квартирах. У твоей подруги ничего интересного не обнаружилось, но твои рисунки нам не понравились, и решено было держать тебя на примете. Ты знаешь, как была убита твоя подруга?

Ромашка покачала головой:

– Нет.

– А ты знаешь, что возле ее тела нашли еще пять трупов?

– Нет.

На этот раз ее схватили за горло, да так, что стало невозможно дышать.

– Ты понимаешь, кого выгораживаешь? Чужака, зверски убившего пятерых человек!

Ромашка ничего не смогла ответить, и пальцы разжались. Девушка с трудом перевела дух. «Зверски, значит, убившего? – подумалось ей. – А Дельфина? Ее, значит, не зверски?»

– Нам нужна вся информация о чужаке.

Ромашка промолчала.

– Я повторяю, – прогремел голос над самым ее ухом, – нам нужна вся информация о чужаке. И будет лучше, если ты дашь ее добровольно. Ты будешь говорить?

От новой пощечины голова мотнулась в сторону, девушка больно ударилась о спинку. В ушах гудело, яркий свет немилосердно жег глаза, а крови во рту стало больше. Силясь справиться с дурнотой, Ромашка попыталась выровнять дыхание, но к тошноте прибавилось противное чувство, будто голова ее поплыла куда-то отдельно от тела. Девушка тихо застонала. Голос, показавшийся ей очень громким вначале, теперь доносился, словно из глубокого колодца. Ромашка поняла, что вот-вот потеряет сознание, причем не от боли – от страха! И решила, что это, возможно, к лучшему…

Но уйти в беспамятство ей не дали – холодная вода плеснула в лицо.

– Ну что ж, если не хочешь по-хорошему – будем по-плохому.

Кто-то подошел к ней почти вплотную, а лампа, кажется, еще больше приблизилась к лицу. И в то же время кто-то, как показалось Ромашке, вышел из помещения – негромко хлопнула дверь. Но и сейчас девушка слышала дыхание нескольких человек, ощущала их присутствие рядом.

На ее колено легла холодная ладонь и поползла выше. Девушка дернулась, пытаясь отстраниться, но бедра уперлись в спинку кресла, а чужая рука поднималась и бесцеремонно шарила под подолом платья. Это оказалось настолько мерзко, что Ромашка не удержалась и всхлипнула, а потом попыталась закричать, хотя и знала, что это бесполезно. Чужая рука осталась на месте, но теперь рот девушки был закрыт второй пятерней. Тогда Ромашка принялась бить ногами наугад.

В это время дверь снова открылась, рука, наконец, выбралась из-под платья и оставила девушку в покое. Что-то звякнуло, как если бы на стол поставили металлический поднос с инструментами. О том, что там могли быть за инструменты, Ромашке думать не хотелось, но страх поднялся неудержимой волной, и теперь ее трясло мелкой дрожью, а зубы отбивали дробь.

Ее страх не остался незамеченным.

– Ну что? Будешь говорить? – это был уже другой голос, злорадный, ехидный. – Нет? Ну тогда… Смотри-ка, что у нас тут есть!

Ромашка, естественно, так и не смогла посмотреть – мешала ненавистная лампа.

– Не хочешь? Боишься? – голос насмехался над ней, и от этой насмешки кровь превращалась в лед. – Ну что ж, тогда не подскажешь ли, с чего начать? Может, вырезать глаза? Или повыдирать ногти?

Кто-то взял в руку ее ладонь и принялся перебирать пальцы, вертеть их, будто разглядывая. Девушка поняла, что сейчас начнется самое страшное, и самым постыдным образом тряслась, как в лихорадке. Но вместе с этим неожиданно появилась твердая уверенность, что безликие ничего от нее не добьются. Она не выдаст Мирослава. Она ничего им не скажет. Никогда. Чем бы они ей ни угрожали и что бы ни сделали. Потому что жизнь чужака-Мирослава бесконечно дороже и ценнее ее собственной никчемной жизни, потому что, если не будет Мирослава – не будет и надежды, свет которой уже успел озарить существование города, отгороженного от всего живого, всего настоящего высокой стеной. Потому что, если Мирослав не выполнит свое задание, города не будет. Не будет всех тех людей, что окружали Ромашку ее двадцать с лишним лет – ни тети Полианы, ни матери Дельфины, ни даже Рыся, никого…

Решимость придала ей сил. Девушка подумала, что теперь готова ко всему, что выдержит любое издевательство. Должна выдержать. Только не понимала, почему медлят ее палачи.

Что-то звякнуло о поднос, и Ромашка вцепилась в подлокотники. Только бы не закричать, только бы сразу не закричать!..

– Хватит, – сказал первый голос, предоставив Ромашке целых несколько секунд, чтобы осознать короткое слово и обмякнуть в кресле. – Давай, делай ей укол.

– Нет! – Ромашка не сразу поняла, что выкрикнула это вслух. – Нет!

Она готова была терпеть любые мучения, но, оказалось, этой жертвы от нее не требовалось. Все будет намного проще: сейчас ей вколют «сыворотку правды», и она расскажет все, что знает про чужака-Мирослава, да еще и укажет дорогу в его убежище.

– Нет!

Ромашка отчаянно пыталась высвободить запястье. Ремни врезались в кожу, но девушка не ощущала боли. Ей было безразлично, что будет с нею, но становиться предательницей Ромашка не хотела. Ни за что!

Левый локоть словно сжали тисками, и чей-то шершавый палец провел по коже там, где, чуть ниже сгиба, голубела вена. В следующий миг Ромашка почувствовала укол. Напряженно замерев, она, щурясь, беспомощно смотрела, как из шприца уходит в ее тело мутно-белая жидкость.

Шприц опустел, иглу вынули, заклеили пластырем ранку на руке Ромашки. А девушка ждала. Безликие стояли прямо перед ней, но Ромашка по-прежнему не могла их видеть. Она

прикрыла глаза и сосредоточилась, стараясь выровнять дыхание, успокоить бешеное биение сердца.

«Все хорошо, хорошо», – мысленно говорила она себе, но голова тяжелела, будто наливаясь свинцом, а мысли потекли медленно и лениво, и когда Ромашка попыталась сжать подлокотники, пальцы ее не послушались.

– Ромашка!

Мирослава склонился над нею, прядь светлых волос, выбившись из-под ремешка, касалась ее лица. Они находились в подземном убежище, и Ромашка вспомнила, что теперь об этом месте знает полиция.

– Нужно уходить отсюда! – зашептала она. – Уходить, скорее! Сейчас сюда придут… Мирослав, нам нужно уходить!

Он молчал. Неужели не слышит, не понимает?

– Я предала тебя, Мирослав! Я все рассказала! Я нечаянно, я не хотела!..

Мирослав смотрел на нее грустными светлыми глазами – не то с жалостью, не то с сочувствием.

– Уходи! Уходи скорей!

За спиной Мирослава грохнули выстрелы.

– Нет! – закричала Ромашка…

…и проснулась.

Она лежала возле стены дома в проулке. Было холодно, сгущались сумерки. Прямо перед нею, на куче пустых коробок, что-то белело. Надо было подойти и посмотреть, что там, но девушка не смогла подняться и поползла на четвереньках.

Сначала она увидела ноги, обутые в изящные босоножки на каблуке, затем – подол летнего платья. А, подняв голову, встретилась взглядом с синими глазами Дельфины.

– Ромашка! – Дельфина улыбнулась, и девушка хотела ответить ей, но тут только заметила, что платье подруги разорвано и все в крови. Ромашка с воплем отскочила в сторону…

…и снова проснулась. На этот раз окончательно.

Перед глазами плясали черные пятна. Глубоко вздохнув, девушка приподнялась на руках и, щурясь, смаргивая слезы, огляделась. Тесное помещение с железной дверью скудно освещалось потолочной лампой, забранной в решетку, у стены крепились в два яруса полки для сна. Девушка сидела на нижнем ярусе и находилась здесь в полном одиночестве. Она попыталась встать, но голова закружилась, Ромашке показалось, что ее внутренности сжались в комок и пытаются выпрыгнуть через горло. Девушка скатилась на пол и успела доползти до дальнего угла, прежде чем ее вырвало. Успокоившись, она вернулась на полку и, подобрав ноги, прислонилась к холодной стене.

Ромашка почти ничего не помнила после того, как ей сделали укол, но знала точно, что рассказала все: и разговор на крыше передала слово в слово, и указала, как найти убежище в подвале… Девушка съежилась, обхватив колени руками. Она знала, что не смогла бы сопротивляться действию «сыворотки», но в собственных глазах стала предательницей.

Было тихо, лишь изредка в коридоре слышались шаги. Девушка хотела поспать немного, чтобы сократить это ожидание неизвестно чего, но в холоде и сырости, да на голодный желудок заснуть не получалось.

Скрип двери застал ее врасплох. В камеру вошел совсем еще молодой парень в форме полицейского.

– Очухалась?

Девушка не ответила – от страха и холода она тряслась всем телом и ничего не могла с этим поделать.

– Мерзнешь? – парень хихикнул. – Ничего, сейчас я тебя согрею.

Ромашка окинула его злым взглядом и, отрывисто, четко произнесла:

– Что, на проститутку денег не хватило?

На миг опешив, парень бросился к ней, скинул девушку с полки на каменный пол, но тут в камеру заглянул еще один полицейский.

– Тащи ее сюда, – скомандовал он.

Ромашка не стала ждать, пока ее поднимут и поволокут к выходу – встала самостоятельно. Раздосадованный, что расправа не удалась, парень схватил ее за плечо и вытолкнул в коридор.

Они шли недолго и оказались в просторном кабинете. На столе у занавешенного окна стояла настольная лампа на гибкой ножке, и девушка сразу узнала в ней ту, от которой до сих пор болели глаза. И кресло узнала. Ее вновь усадили на то же место и застегнули ремни на запястьях.

«Только бы не включали лампу», – испуганно подумала Ромашка.

Но вместо этого ей завязали глаза. Слышались тяжелые шаги, доносились голоса, и еще в кабинете было тепло. Сначала Ромашка долго не могла согреться, но, в конце концов, перестала дрожать и затихла.

Ей снилось море. Оно ласково качало Ромашку на волнах, солнечные зайчики гладили ее лицо мягкими, пушистыми лапками. Где-то вдали шумел и шумел прибой…

Волны выбросили ее на берег. Девушка поняла, что лежит с завязанными глазами, с головой укрытая легкой тканью. Руки вытянуты, а тело прижато широкими ремнями. Пахнет бензином?

Что-то лязгнуло, вместе с ветром хлынул шум улицы.

– Выноси! – скомандовал кто-то.

Прислушиваясь к звукам и ощущениям, Ромашка поняла, что ее на носилках перегрузили из машины на каталку. Ткань все еще накрывала ее лицо, и Ромашка испугалась – а вдруг ее приняли за мертвую и теперь везут то ли в морг, то ли сразу в крематорий?

Догадка была пугающе правдоподобной, и девушка охрипшим голосом пробормотала:

– Стойте.

Ответа не последовало. Ромашка беспокойно задергалась.

– Стойте! Куда вы меня везете?

– Тише. Не кричите, – произнес над нею сухой женский голос. – Вы в безопасности. Не кричите, все будет хорошо.

С нее сняли ткань, а потом и повязку с глаз. Вокруг все было ослепительно белым, несколько человек в белых же халатах стояли рядом с каталкой, глядя на девушку так, как смотрят на подопытное животное в лаборатории: сдохнет или нет?

– Где я? – тут же спросила Ромашка.

– Вы в больнице, – ответил мужчина лет сорока, очень полный, со слипшимися на потном лбу завитками темных волос.

«Врач», – решила девушка. Этот врач ей не понравился: в его улыбке и прищуре маленьких, поросячьих глаз было что-то очень нехорошее, даже отвратительное.

– Развяжите меня.

– Не положено.

– Почему?

– Вас развяжут позже, когда доставят в палату.

Ромашка не удивилась, только подумала отстраненно: «Уж не в психушку ли я попала?» И, как это ни обидно, оказалась права.

Ей отвели палату с большим окном, забранным частой решеткой. Две рослые широкоплечие санитарки выкупали и переодели Ромашку, будто она не могла всего этого сделать само-

стоятельно. Девушка чувствовала себя едва ли не хуже, чем на допросе, но терпела молча. Когда ее, наконец, оставили одну, Ромашка подошла к окну.

Внизу, с высоты шестого этажа, она видела дворик, окруженный сплошной стеной, за которой тянулась улица и ряд одинаковых серых домов. Их окна смотрели прямо на больницу. «Когда вечером включат свет, – подумала Ромашка, – можно будет позвать на помощь. Конечно, меня не услышат, но ведь увидят!»

Но, поразмыслив немного, девушка обругала себя за ту же наивность, которая была присуща Мирославу и поначалу так ее раздражала. На помощь никто не придет. А если и вызовут полицию – так она ведь только что оттуда.

Дверь открылась. Дородная санитарка принесла еду и вышла, щелкнув замком. Еда оказалась невкусной, но сытной. Веки отяжелели, мысли снова стали вялыми. «Снотворное подмешали, сволочи», – успела подумать Ромашка, прежде чем свернуться калачиком под одеялом и уснуть.

Наутро желудок вновь потребовал еды, но Ромашка к завтраку не притронулась. Это не осталось незамеченным. Вскоре в палату явились те же две женщины и врач, которого девушка видела накануне.

– Отчего же вы не кушаете? – почти ласково спросил он.

– Не хочу.

– Почему не хотите?

– Просто не хочу.

– Так, так… – врач прищурился, его глаза превратились в две узкие щелки. – Но вы ослаблены, истощены. Вам надо хорошо питаться.

Ромашка промолчала.

– Вы очень больны. Вам надо поправляться. – Он говорил короткими фразами, но сильно растягивал слова. – Если не будете кушать, откуда у вас возьмутся силы?

– Чем же я больна? – поинтересовалась Ромашка.

– У вас тяжелая форма помутнения рассудка.

Девушка недоверчиво хмыкнула. Некоторое время в палате царило молчание, потом врач произнес:

– Вы уверены, что не хотите кушать?

– Уверена.

– Ну, хорошо. Если не хотите – мы вас силой кормить не будем. Просто уколем вам витамины…

Врач выглянул за дверь, и в палату вошел молодой медбрат со шприцом в руке. Девушка испуганно сжалась.

– Не надо!

Ее возражений не слушали. Санитарки схватили ее под руки да скрутили так ловко, что Ромашка почти не могла двигаться. Она лишь слабо дергалась, чувствуя, как игла легко входит в кожу. Медбрат ругался вполголоса, но дело сделал. И тут санитарки совершили ошибку: разжали руки.

Ромашка – и откуда силы взялись? – вывернулась, проскочила между женщин и бросилась к двери, а когда на ее пути оказался врач – сшибла его с ног.

Ее так и не смогли успокоить. Ромашка металась как бешенная, не чувствуя ударов, и если кто-либо мог сомневаться в ее «помутнении рассудка», теперь она была и впрямь похожа на буйнопомешанную. Но укол подействовал, девушка вдруг почувствовала, что тело перестает ей подчиняться. Она обмякла, опустилась на пол. Санитарки перенесли ее на кровать, туго привязали за руки и ноги матерчатыми ремнями, потом вышли вслед за врачом и закрыли дверь. А Ромашка осталась в палате одна и лежала неподвижно, безразлично глядя в потолок.

За окном сменялись день и ночь, в палате включали и выключали свет. Ромашке почти не разрешали вставать, только изредка две дюжие санитарки отвязывали ремни и водили девушку в туалет. Порой Ромашке казалось, что все это происходит не с ней, она наблюдала за происходящим отстраненно и безучастно. Поначалу, когда медбрат приходил делать ей уколы, она дергалась и пыталась помешать ему, но в итоге осознала тщетность этих попыток. Да и препараты делали свое дело, убивая волю.

Несколько раз к ней заходил врач, говорил что-то – Ромашка не вслушивалась. Лишь раз что-то всколыхнулось в ней, когда во время осмотра толстяк принялся чересчур заинтересованно ее щупать. Вывернуться не получалось, ремни мешали, но врач скоро ушел, а сознание Ромашки вновь заволокло дымкой безразличия.

Врач всегда приходил после того, как медбрат сделает Ромашке укол, даже выжидал некоторое время, чтобы препарат начал действовать. Вот и в этот день толстяк появился в палате лишь тогда, когда после укола прошло целых полчаса. Ромашка не обращала на него внимания, созерцая потолок, до тех пор, пока что-то тяжелое не плюхнулось на нее сверху. Девушка увидела над собой блестящее, круглое лицо. «Нет», – шевельнулось в сознании. Ромашка дернулась, из последних сил пытаясь высвободиться, но движение получилось слабым.

Где-то в городе прогремели выстрелы. Толстяк вскочил, бросился к двери, постоял немного и, передумав идти и самому разбираться, что происходит, снова полез на койку. Ромашка больше не смогла пошевелиться, и только слышала тяжелое дыхание, а потом – звон. Он показался ей далеким, но Ромашка чуть повернула голову, вслушиваясь. Стены палаты качнулись, как отражение в воде. Голова толстяка упала на грудь Ромашки, вязкая гранатовая жидкость потекла на больничную рубашку, пропекая до кожи, и девушка подумала, что это, наверное, сон. Очень хороший сон.

Испугаться жестокости собственной мысли она не успела. Безжизненное тело, придавившее ее, исчезло, и на фоне разбитого окна Ромашка увидела другого человека. Его лицо было неестественно белым, страшным. Девушка дернулась, когда в пальцах пришельца блеснул нож, но человек лишь перерезал ремни на ее руках и ногах. И посмотрел прямо в глаза.

«Это, и правда, очень хороший сон», – подумала Ромашка.

Странный, чужой взгляд светло-серых глаз, отсвет серебра в волосах… ветер, крепкие руки, удаляющееся окно палаты и громкие хлопки выстрелов… Руки отпустили ее, и она полетела.

«Хороший сон», – улыбнулась Ромашка и потеряла сознание.

Девушка не знала и уже не видела, как ее поймали на растянутую ткань, как вслед за ней прыгнул с четвертого этажа Мирослав, предварительно обрубив трос, соединявший окно больницы с окном пустой квартиры дома напротив. Как, прекратив перестрелку, от главных ворот больницы побежала вглубь дворов отвлекающая группа.

Она долго не открывала глаз. Что-то происходило с ее телом, но что именно – ей было неинтересно. Она не принимала еду и едва соглашалась глотать жидкость, которую ей насильно вливали в горло. Ромашка поняла, что чудесное спасение было лишь сном, а раз так, то стоит ли ей возвращаться в действительность?

Но кто-то постоянно досаждал ей нелепыми попытками разбудить. Ее тормошили за плечи, хлопали по щекам, а Ромашке хотелось спать и видеть море, в котором она теперь тонула, и это было приятно. Однако неизвестный мучитель каждый раз выдергивал ее из умиротворяющего сновидения. Над нею шумели и кричали, ее звали по имени, а Ромашка плакала, отбивалась и жалела, что ей не дают спокойно утонуть.

Но однажды руки, выхватившие ее из пучины, показались знакомыми. Ромашка затихла, наслаждаясь почти забытым ощущением спокойствия, заботы и нежности. Теперь руки обни-

мали ее, а Ромашка все пыталась вспомнить… вспомнить, у кого же могли быть такие руки. А потом тихо позвала:

– Мирослав!

– Да, Ромашка, я здесь!

Девушка узнала и голос.

– Мирослав, – прошептала она, – я предала тебя. Я им все рассказала. Я не хотела, честное слово, не хотела, но ничего не смогла сделать.

– Все хорошо, Ромашка, – ответил голос. – Ты ни в чем не виновата. Не бойся. Меня предупредили. Мы в безопасности. Здесь нас не найдут.

– Нет! – девушке казалось, что она кричит, но ее протестующий возглас был не громче вздоха. – Нет, ты не понимаешь! О твоем убежище знает полиция. Они скоро будут здесь!

– Не бойся, Ромашка. Посмотри, мы совсем в другом месте. Здесь нас не найдут. Ну, посмотри же!

Ромашка растерялась, а потом разозлилась: опять, опять он ее не слушает! Опять возражает, наверное, не верит…

– Ромашка, открой глаза! Посмотри на меня, Ромашка! Посмотри вокруг и убедишься сама! Ромашка! Глаза открой!

Он кричал и тряс ее за плечи. Девушка рассержено оттолкнула его и открыла глаза. Большое помещение, освещенное лишь прикрытым тряпкой светильником, действительно не походило на подземное убежище Мирослава.

– А где мы? – удивилась Ромашка и перевела взгляд на человека, чьи руки все еще придерживали ее за плечи. – Мирослав?

Он улыбнулся и притянул Ромашку к себе:

– Ну наконец-то!

Глава 10

– Где мы?

Ромашка обнаружила, что под простыней и одеялом, которым ее укрыли, она совсем голая. Девушка точно знала, кто ее раздевал, освобождая от пропитанной чужой кровью больничной рубашки, и пыталась теперь отвлечься разговором от досадных и глупых мыслей.

– Пусть лучше на этот вопрос тебе ответит другой человек, – Мирослав лукаво прищурился. – Это не тайна. Это сюрприз. Надеюсь, приятный.

Помещение было незнакомым: просторное и темное, с голыми стенами без окон. Девушка задумалась, соображая, кто же мог их приютить, а Мирослав взял со стола тарелку, с сомнением посмотрел на ее содержимое.

– Немного остыло, но тебе все равно лучше поесть.

В тарелке оказался жиденький супчик. Девушка поняла вдруг, что голодна, очень голодна, и потянулась к еде. В руках ощущалась болезненная слабость, но позволять кормить себя с ложечки Ромашка не собиралась.

Суп, действительно, немного остыл, но девушка почти неделю ничего не ела и нашла его очень вкусным. Тарелка быстро опустела, Ромашка с сожалением вздохнула, а когда Мирослав забрал у нее посуду, спросила:

– Скажи, а как ты меня нашел? Как ты вообще узнал про полицию и… и все остальное тоже?

Мирослав чуть нахмурился, и девушке показалось, что отвечать ему не хочется. Но он все-таки заговорил.

– Помнишь, Ромашка, я рассказывал тебе про людей, которые делали подкоп? Я смог на них выйти, но мне не поверили и, как ты, вначале приняли за сумасшедшего. Они подобрались к стене под землей, заложили взрывчатку и… взорвали. В итоге тоннель затопило, а прорваться за стену они не смогли – жидкость, которой заполнен ров, прожигает кожу даже сквозь одежду. Они-то думали, что, в худшем случае, будут иметь дело с испарениями и даже противогазами запаслись…

Мирослав ненадолго умолк, но Ромашка не стала прерывать молчания – ждала продолжения.

– Мне удалось узнать и время, и место, но все-таки я опоздал и мало чем смог помочь. Была перестрелка, многих убили. Двоих забрали в полицию – после этого меня и объявили в розыск. Но оставшиеся мне поверили и согласились помочь.

Он опустил голову, уперся взглядом в сцепленные пальцы.

– После того… после того, как погибла твоя подруга, Артур – он у них за старшего – решил присмотреть и за тобой. Это они мне рассказали, что тебя забрала полиция. Предупредили, что тебе вколют сыворотку правды и узнают все, что знаешь ты… А потом мы узнали, что тебя перевезли в больницу. Подготовились, узнали, где окно твоей палаты, отвлекли выстрелами охрану и персонал. Вот, пожалуй, и все.

На самом деле это было далеко не все, но, правда, зачем Ромашке знать подробности осторожной слежки, дежурств у полицейского отделения? Когда товарищ Артура сообщил, что в фургон погрузили тело, укрытое простыней, многие решили, что спасать больше некого, а ищейки просто заметают следы.

Но за машиной проследили. Подкупив уборщицу и одну из санитарок, удалось узнать, что Ромашка жива. К тому времени девушка находилась в больнице пятый день. А уже на седьмой новые товарищи Мирослава развязали у ворот перестрелку, отвлекая охрану. Мирослав должен был действовать быстро, чтобы те, кто помогал ему освобождать Ромашку, смогли уйти до приезда полиции.

Часть группы устроилась на чердаке высотки напротив больницы. За мгновение до того, как выбежать на крышу, Мирослав услышал негодующее восклицание Алека, наблюдавшего за окном палаты:

– …! Этот… полез на девчонку!

Мирослав присел у бортика, прицелился. Железный крюк перелетел на крышу больницы, зацепился. Между домов натянулся трос. Здание психиатрической лечебницы было немного ниже других домов, и металлический карабин легко заскользил по тросу, перенося человека над улицей и больничным двором. Возглас Алека эхом звучал в сознании, подгонял, но пришлось задержаться еще на минуту перед окном, с резаком, избавляясь от решетки…

Однако Ромашка не спрашивала подробностей, и Мирослав ничего не добавил к своему рассказу. Он видел, как девушка осторожно потерла запястья, на которых розовели следы от ремней. Ладони у Ромашки были узкие, и, чтобы девушка не смогла освободиться, ремни на ее руках затягивали очень туго.

– Ромашка, скажи, у тебя что-нибудь болит?

– Вроде нет, – неуверенно ответила девушка. – Голова только… А что?

– Такое впечатление, что тебя не только морили голодом, но и… – он вздохнул. – У тебя синяки на теле.

Сначала Ромашка смутилась, представив, как непривлекательно выглядит ее тело, покрытое желтеющими следами ушибов.

– У меня правда ничего не болит. И голодом меня никто не морил. Я сама не ела.

– Почему? – удивился Мирослав.

– Они снотворное подмешивали, а я не хотела все время спать, вот и не ела…

Завершив эту фразу, Ромашка поняла, что силы истратила окончательно. И в это время невдалеке послышались шаги.

Девушка с неожиданным проворством села, придерживая одеяло на груди. От резкого движения голова закружилась, Ромашка еле смогла выдавить единственное слово:

– Кто?

– Это свои, не бойся, – Мирослав положил ей руку на плечо.

Дверь открылась, не впустив света, и силуэт вошедшего выплыл из мглы. Ромашка смотрела на низенького, пожилого человека, одетого в темные брюки, рубашку и старомодный клетчатый жилет.

– Пришла в себя… Наконец-то! – незнакомец улыбнулся, и Мирослав представил его Ромашке:

– Анатолий Вергаров, директор музея.

Испуг прошел, девушка выдохнула, расслабилась, и в тот же миг все вокруг закружилось, затанцевало. Руки Мирослава бережно опустили ее на подушки. Ромашка лишь на минутку зажмурилась, а когда открыла глаза, в помещении, кроме нее и Мирослава, уже никого не было.

– Что?..

– Тише, тише, – попытался успокоить ее Мирослав. – Все хорошо, не волнуйся. Это друг. Ты слышишь?

Ромашка услышала. Она глубоко вздохнула раз, другой, и сама не заметила, как снова заснула.

А в городе наступило утро. Обычное, вроде бы, утро – серое, сырое, неприветливое. Но люди, шедшие на работу по влажным от ночного дождя тротуарам, выглядели сегодня особенно уставшими и невыспавшимися. Еще бы: всю ночь по улицам носились патрульные машины, даже звукоизоляция не спасала от воя сирен. А в утреннем выпуске новостей показали кровавые кадры хроники с жертвами того самого убийцы, чьи фотографии смотрели со всех стен и столбов. Напуганные горожане торопились спрятаться в домах или офисах,

затравленно озираясь по сторонам, словно ожидали, что страшный убийца вот-вот выпрыгнет из проулка.

Девушка понемногу приходила в себя. Мирослав принес пакет с чистым бельем и одеждой, и Ромашка, которой нечасто случалось покупать обновки, долго рассматривала себя в зеркале над рукомойником. Хотя девушка точно знала, что спортивные костюмы ей не идут – в них она кажется совсем уж толстой, тем не менее, голубовато-серого цвета брюки и легкая курточка ей понравились. По крайней мере, подумала Ромашка, теперь она одета куда практичнее, чем в тот день, когда ее забрала полиция.

Вскоре проведать девушку пришел директор музея.

– Здравствуй, Ромашка! Вижу, тебе уже лучше? – он улыбался виновато, наверное, вспоминая свой прошлый визит. – Очень рад видеть тебя здесь, хотя, конечно, лучше бы нашелся более приятный повод пригласить тебя в гости.

– Вы меня знаете? – удивилась девушка.

– Ну как мне тебя не знать, если ты, Ромашка, моя самая частая посетительница! – воскликнул старичок. – Сейчас время такое, мало кто ходит в музей, а у меня на лица память хорошая.

– Как же вам удается работать? – пробормотала Ромашка.

– Музей давно уже работает в убыток, – развел руками директор. – В свое время я пытался приобщить к этому делу сына – не получилось. Зато теперь у моего сына свое дело, очень доходное, и он помогает мне, старику, чем может. Думает, наверное, что музей – это что-то вроде моего хобби. Хотя, в каком-то смысле, так оно и есть. – Старичок вздохнул. – Я хотел показать людям красоту, надеялся, что искусство поможет многим из них встать на правильный путь… В мое время в музей еще ходили. А теперь никто этим не интересуется.

«А ведь и верно, – подумала Ромашка. – Даже Рысь… Пришел в музей только для того, чтобы стать пособником грабителей».

– Так мы в хранилище музея? – догадалась она. – В нижних этажах?

Старичок кивнул.

Директор недолго пробыл здесь – настало время открывать музей. Ромашка рассказала ему о Рысе, предупредила, что планы хранилищ могут быть известны грабителям. Анатолий Вергаров не удивился, лишь заверил ее, что этого убежища в планах нет.

Они снова остались вдвоем. Ромашка украдкой терла запястья – сильно чесались следы от ремней, и на этот раз Мирослав ее не остановил, о чем-то задумавшись.

– Ты знаешь, Ромашка…

Девушка невольно улыбнулась: сколько раз Мирослав начинал разговор с таких слов, собираясь рассказать о чем-то, на его взгляд, удивительном и странном.

– Ты знаешь, Ромашка, я все-таки плохо понимаю здешних людей. Нам говорили, что в подобном обществе человек пытается самоутвердиться за счет остальных, почувствовать себя сильным, обижая каждого, кого можно обидеть безнаказанно. Только… ты не находишь, что это бессмысленно?

– Почему? – Ромашка вздохнула: ей снова приходилось объяснять очевидные вещи. – Если кто-то демонстрирует силу, то его все боятся и уважают. Поэтому…

– Бояться и уважать – разные вещи! – перебил Мирослав. – А боятся, потому что не могут организоваться и дать отпор. И если человек действительно знает, что он может, ему не нужно этого доказывать ни себе, ни кому-то.

– Почему не нужно? Если кого-то боятся, его не трогают.

Мирослав нахмурился.

– Ты считаешь, это правильно?

– Не то чтобы правильно… Наверное, нет. Но так есть.

Некоторое врем Мирослав молчал, потом тряхнул головой.

– Глупости! В том, что ты говоришь, нет смысла!

– Ну, знаешь! – вспылила Ромашка, – если тебе кажется, что в моих рассуждениях нет смысла, почему ты меня вообще о чем-то спрашиваешь?

– Потому что твои ответы очень содержательны.

Ромашке померещился лукавый огонек в светло-серых глазах чужака, и она обиженно поджала губы.

– Это правда, Ромашка. Мне не может нравиться то, что ты говоришь, но это многое объясняет.

Устало откинувшись на подушки, девушка вздохнула. Ее вдруг осенило.

– Ты не человек, – сказала она. – Ты – робот.

Кажется, Мирослав удивился.

– Почему?

– Потому что таких людей не бывает. Ну вот скажи, стал бы нормальный человек, когда вокруг такое происходит, рассуждать о морали, вести себя так спокойно, рисковать жизнью неизвестно ради кого и чего, хотя можно спрятаться и отсидеться в подземном убежище до назначенного срока? Ты пытаешься нас понять, разобраться во всем, даже помочь… И ведь ты еще станешь нас защищать на этом вашем Совете, хотя тебя объявили преступником и ищут по всему городу!

Мирослав нахмурился. Некоторое время он задумчиво смотрел перед собой, потом произнес:

– Вот видишь, Ромашка, я же говорил, что твои ответы всегда очень содержательны. Спасибо. Теперь я получил почти полное представление о том, кого у вас называют людьми.

Глава 11

Мирослав изредка уходил, но всегда ненадолго. В первые двое суток, которые Ромашка отмеряла при помощи электронного будильника, ее единственным гостем был директор музея. Тогда-то он и рассказал, как много лет назад обустроил в хранилище, за потайной дверью, пригодный для жизни уголок. Анатолий Вергаров думал, что однажды ему самому придется прятаться от власти, теперь же убежище служило его новым друзьям.

У дряхлеющего старика и молодой девушки нашлись и другие темы для разговоров. Из рассказов экскурсовода Ромашка знала многое о картинах и статуях, выставленных в залах музея, о творцах древности. Девушка заметила, что возле некоторых картин нет табличек с названиями и именами авторов. Считалось, что информация утеряна во время Каменного Дождя, когда на планете происходили страшнейшие катаклизмы, а большая часть городов были стерты с лица Земли. Но Анатолий Вергаров признался, что таблички его заставила убрать инспекция. Видимо, было что-то в произведениях, а, может, в биографиях их творцов, чего жителям города знать не стоило. А так – попробуй найти в базе информацию, чаще всего закрытую, о человеке, ни имени, ни названия работ которого ты не знаешь!

Многие экспонаты вообще запретили выставлять. Статуи, так поразившие Ромашку, десятилетиями были спрятаны от посетителей, и подняли их по решению властей. В последнее время смертность среди молодых женщин, сидящих на таблетках для похудения, выросла настолько, что с ней решили бороться, в том числе и показывая красоту нестандартных фигур. Правда, реклама чудо-таблеток никуда не исчезла, а смотреть на статуи приходили единицы, и, чаще всего, находили их уродливыми.

На третий день явились инспектора. Стоя в полной темноте вместе с Мирославом, Ромашка боялась лишний раз вздохнуть, а за стеной ходили люди. Ходили недолго, но девушке показалось – целую вечность.

Ближе к вечеру Мирослав ушел. Не было его около получаса, а потом неприметная дверь, ведущая в ход под город, открылась, и, вслед за чужаком, появились еще пять человек. Хмурый, с черными волосами до плеч, высокий – прилично выше Мирослава – и невероятно худой Артур, который, как уже знала Ромашка, был среди парней за главного, остановился посреди комнаты со сложенными на груди руками, безразлично глядя на Ромашку, пока Мирослав наскоро представлял девушке остальных. Курносый, с добродушным лицом, Алек весело улыбнулся Ромашке и привычным движением поправил лямку объемистой наплечной сумки. Третий имел очень хитрый вид и звался Кот. Еще двое – Влад и Сергей – были братьями.

Пришедшие расселись на полу, Алек вытащил из сумки переносной компьютер, и все склонились к экрану. Видимо, они успели многое обсудить раньше, и Ромашка мало что понимала а разговоре, но заглядывала через плечи и прислушивалась. А потом Сергей достал блокнот – что-то записать, заметил, что темно, и Мирослав включил потолочные лампы. Свет показался Ромашке слишком ярким и резким – до сих пор они сидели в полутьме. Щурясь, девушка еще пыталась разглядеть схемы на экране Аликова компьютера, но Мирослав сел перед нею, и девушка уперлась взглядом в его спину: волосы чужака, раньше светло-русые, теперь сильно отливали серебром.

А в это самое время Ромашку показывали по телевизору. В другой раз и при других обстоятельствах девушку это, может, и обрадовало бы, но не сегодня. Во-первых, она об этом не знала, а во-вторых, показывали Ромашку в уголовной хронике. Наверное, девушка очень удивилась бы, узнав, что стала жертвой того самого ужасного преступника, из-за которого была

поднята на ноги вся полиция города, и который в это время сидел спиной к Ромашке, обсуждая с новыми товарищами план побега.

У пожилого университетского преподавателя давно вошло в привычку смотреть новости. Когда на экране появились фотографии девушки, преподаватель, встревожившись, нашел номер ее телефона и позвонил Ромашке домой. На звонок, естественно, никто не ответил.

Целый вечер преподаватель не мог прийти в себя от потрясения, пил лекарства, звонил еще несколько раз – все без толку. Но когда Ромашку показали в новостях на следующее утро, а потом днем и вечером, решил, что это неспроста. И хотя с девушкой могло случиться все, что угодно, пожилой преподаватель, глядя в окно, на куцый лоскут неба, зажатый между крыш, подумал, что, на самом деле, все должно быть не так уж плохо, и от Ромашки стоит еще ждать сюрпризов.

Проводив Артура и остальных, Мирослав запер за ними потайную дверь и обернулся к Ромашке:

– Как тебе обувь? Удобная?

Кроссовки для нее пришлось брать наугад, но с размером, на удивление, угадали. Девушка кивнула и поинтересовалась:

– А почему ты спрашиваешь?

– Идти придется долго.

– Куда?

– Как это «куда»? Нам придется идти пешком большую часть пути, поэтому…

– Так ты берешь меня с собой?

Радость на лице Ромашки смешалась с недоверием, и Мирослав улыбнулся.

– А как ты думала? У меня, да и у тебя просто нет другого выхода. Не можешь же ты постоянно сидеть здесь! А на улицу тебе нельзя.

– Ой!

Ромашка опустилась на кушетку. Теперь, когда она осознала, что Мирослав действительно заберет ее с собой, в душу закрался страх. Шутка ли – покинуть город, где прожила всю жизнь! Девушке отчаянно захотелось еще хотя бы раз побывать дома, посидеть на подоконнике, посмотреть закат, перебрать старые рисунки… Впрочем, ее рисунков, наверняка, не окажется в ящике письменного стола. Ромашка тяжело вздохнула и призналась:

– Страшно немного…

Сборы были недолгими. Девушка рассеянно наблюдала, как Мирослав укладывает вещи. Рюкзака у них было два, причем один появился, пока Ромашка спала, уже наполненный и неудобно большой. Заглянуть внутрь без спросу было неудобно, а поинтересоваться, что в нем, девушка не успела.

Директор музея проводил своих гостей по узкому лазу. Обняв на прощание и Ромашку, и Мирослава, Анатолий Вергаров закрыл за ними тяжелую дверь потайного хода. Беглецы оказались в круглом бетонном тоннеле. Спустя полчаса пути, луч карманного фонарика утонул в темноте нового тоннеля, высокого и широкого. Ромашка не удивилась, увидев рельсы.

– Метро? – спросила она шепотом. – А как же мы пойдем? Вдруг поезд?

– Эта ветка не работает, – объяснил Мирослав. – В прошлом году ее затопило, ремонт до сих пор не окончен.

Алек вышел из темноты прямо перед ними, взял у Мирослава тот рюкзак, что был поменьше, и молча повел за собой.

Ход закончился в подвале обычного жилого дома. Выйдя на улицу, они побежали темными дворами, и Ромашка, как ни старалась, не могла понять, в какой части города находится. По дороге к ним присоединились еще человек десять, среди которых девушка увидела Артура

и других новых знакомых. А потом ее посадили на мотоцикл позади Алека. Ромашка изо всех сил вцепилась в куртку парня и зажмурилась.

Ехали недолго, но девушка все боялась, что вот-вот свалится, и, когда мотоцикл, наконец, остановился, не сразу разжала онемевшие пальцы.

Ноги шли сами, и Ромашке порой казалось, что она не участвует в происходящем, а наблюдает со стороны. Когда Мирослав ободряюще сжал ее руку, девушка лишь на миг подняла на него взгляд и отвернулась. Теперь она смотрела только вперед, и когда в просвете между домов увидела широкую улицу, сразу поняла, что это Кольцевая.

Заговорщики спустились в подземку и вынырнули на другой стороне дороги. Увидев прямо перед собой ничем не скрытую, уходящую вверх темную громаду стены, Ромашка вздрогнула – так близко к стене она еще не подходила, хотя и жила в двух шагах… Девушка не сразу заметила, что за руку ее держит уже не Мирослав, а курносый Алек.

В крайних домах города лифты к последним этажам не поднимались, а останавливались на четвертом сверху. Там же располагались лифтерская будка и небольшой чердак, но оттуда вела не на крышу, и, как правило, была заперта. Открывали ее только люди в военной форме: трижды в сутки, когда сменялся караул. На этом чердаке обычно никто не задерживался, но сегодня день был совсем не обычный: два крепко связанных человека лежали без сознания у стены, вскоре еще двоих выволокли из-за той самой двери, в которую несколькими секундами позже вошел и Алек, а следом за ним – Ромашка, чью ладонь он все еще сжимал.

Мирослав уже был на крыше и распаковал тот самый неизвестно откуда взявшийся большой рюкзак. Ромашка увидела круглое устройство, напоминающее вентилятор, к которому крепился множеством веревок огромный кусок ткани. Не желая отвлекать Мирослава, девушка остановилась неподалеку и молча наблюдала. И хотя Ромашку до сих пор не посвятили в детали плана, ей было совершенно ясно: эта странная штука предназначена для того, чтобы лететь. Страх пересилил робость, и девушка тихо спросила, правда, не у Мирослава – у Алека:

– Что это?

Спросила и тут же пожалела – сейчас еще на смех поднимет или накричит.

– Параплан, – ответил Алек. – С мотором.

Девушка так удивилась тому, что ей ответили, что забыла сказать «спасибо». Она смотрела то на Мирослава и параплан, то на темную равнину, что начиналась за стеной и тянулась до горизонта. Где-то очень-очень далеко в небе мерцали робкий огонек звезды, и Ромашка предпочла смотреть на него, а не на укрытую полночной мглой пустошь. Сердце ее трепетало, а душа терзалась сомнениями: как же так, как так можно – бросить все, такое родное, знакомое с детства, оставить город, оставить навсегда… Ромашка вздохнула и повернулась.

Над городом поднималось облако густого дыма. «Надеюсь, это не жилой дом горит, – подумала Ромашка. – Только бы никто не пострадал». Девушка никогда не смотрела на город с такой высоты, и потому не узнала здание универмага – огромная вывеска на крыше потухла, как только огонь добрался до проводки.

– Ромашка!

Она оглянулась и подошла к Мирославу. Конструкция возле мотора напоминала большое кресло, обвешанное ремнями, и вызывала у Ромашки нехорошие ассоциации – вспомнился допрос.

– Как думаешь, поместимся вдвоем? – спросил Мирослав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.